

СМЕНА

№ 2 (1360) ЯНВАРЬ 1984

**ТИМУР,
СЫН
ГАЙДАРА.**

*Отечество.
Страницы
Сибириады
Василия Сурикова.*

**ПРИГЛАШАЕМ
К ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДИСКУССИИ:
КАК ЖИТЬ ОСМЫСЛЕННО И ЦЕЛЬНО?**

Егор ЯКОВЛЕВ

Они так и зовут за собой, увлекая в минувшее,— хрупкие, пересохшие страницы журналов двадцатых годов. «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «Былое»... Переплетенные стопки журналов, книги на столе, на подоконнике, на стульях. Давнишние издания и совсем недавно увидевшие свет. Собираюсь писать о Ленине.

Один из делегатов VIII съезда Советов, того, что зимой двадцатого принял план ГОЭЛРО, оставил записку: «Если через пять—десять лет выживет хоть один из нас, здесь присутствующих, пусть он расскажет внукам об этом съезде и о людях, которые боролись, жили и мучительно творили в великие годы русской революции».

Возможно ли сегодня хоть что-нибудь прибавить к сказанному до меня, много прежде меня очевидцами и писателями, учеными, журналистами, краеведами, всеми, кто брался за перо, обращаясь к ленинской теме? Другое дело было, скажем, весной семнадцатого года. Тогда солдат из 8-й конно-артиллерийской батареи занимало, они действительно не знали: кто же он такой—этот Ленин? Владимир Ильич недавно вернулся из эмиграции. Его имя упоминалось во всех газетах, а по тому, как это делалось, можно было судить о политическом направлении любого издания. И артиллеристы писали с фронта в Петроград: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший, по возможности, ответ. Какого он происхождения, где он был, если он был сослан, то за что?»

В ответ на просьбу солдат и появятся строки биографии, написанной Владимиром Ильичем,— лишь однажды писал он сам о себе:

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года...»

Ленин готов был ответить на все вопросы солдатского письма, кроме последнего — «...какие действия он проявляет в настоящий момент, т. е. полезны они нам или вредны?». Полагал, что составить представление на этот счет должны сами солдаты: «...ибо только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет».

Так было в начале нашего столетия. А сегодня — впрочем, и вчера и тридцать лет назад — вопросы, подобные тем, которые задавали когда-то солдаты-фронтовики, представляются по меньшей мере удивительными. Задумайтесь, вспомните: приходилось ли вам когда-нибудь на всем жизненном пути повстречаться хоть однажды с тем, кто никогда не слышал о Ленине? Мне, например, не приходилось...

Как же построить сегодня рассказ о нем? Как обратиться вновь к пережитому и свершенному им? А быть может,

поговорить, посоветоваться с теми, кто был подле, кто вместе с Лениным прошел долгими и многотрудными дорогами русской революции?

Откроем еще раз записки очевидцев ленинской поры, перелистаем воспоминания его современников. Такие впечатляющие, такие непосредственные страницы — и начинает казаться, будто слышишь голоса этих людей. Мужественных людей, борющихся в самодержавной России с цепями солдат, стреляющих в толпу, с казаками нагайками, хлеставшими по лицам студентов и революционеров, переживших чахоточный ужас Петропавловской крепости, презревших страх быть заживо погребенными в Шлиссельбурге и сводящее с ума одиночество ссылки, скитание и отверженность неминуемой эмиграции...

Услышать давно умолкшие голоса... Постараемся представить себе, как собирались в двадцатые годы в большинстве своем нестарые люди на вечера-воспоминания в доме Всесоюзного общества политкаторжан. Или перенесем мысленно в редакцию журнала «Пролетарская революция», где осенним вечером двадцать третьего собрались участники Октябрьской революции, рассказывали о том, что было совсем недавно, лишь пять лет назад — о вооруженном восстании в Петрограде... Вообразим и мы подобную встречу-беседу с теми, кто знал Владимира Ильича...

— Образ Владимира Ильича так многогранен, так колоссально значителен, — вспоминает секретарь Совнаркома Л. Фотиева, — что только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать его образ.

Этот коллективный труд во многом совершен. Нам оставлены воспоминания — и самые подробные, написанные Н. К. Крупской, родными Владимира Ильича, ближайшими соратниками, и рассказ о единственной, порой самой мимолетной встрече с Лениным. Эти свидетельства неповторимы, а потому бесценны.

— ...сделать все возможное, чтобы подлинный живой облик Ильича не был бы окончательно утерян, — беспокоится товарищ Ленина по сибирской ссылке П. Лепешинский и вместе с тем предостерегает: — чтобы его интереснейшая индивидуальность не стерлась от времени, не растворилась бы в море легенд, которые несомненно будут в огромной мере накапливаться около его имени...

Те, кто работал вместе с Лениным, вспоминают: Владимир Ильич терпеть не мог задернутых штор — не позволял ими закрывать окна кабинета, как будто шторы отделяли его от внешнего мира, а это было невыносимо... Стремление «раздвинуть шторы» приходит и к нам: свободно взглянуть из настоящего в прошлое, самим увидеть и услышать Владимира Ильича. Из его решений и поступков, непосредственной реакции на каждый факт окружающей действительности самим сложить представле-

СОВЕТУ С ЛЕНИН

ние о чертах характера, особенностях натуры. Увидеть Ленина в пути, в подробностях и деталях его жизни.

—...биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную, общечеловеческую ценность,— утверждает А. Луначарский.

Это «биографическое», это «интимное» во многом берет начало с детства, из Симбирска, от семьи. Уважение к себе и окружающим... Готовность принять наследство предшествующих поколений и идти дальше... Видит крушение либеральных надежд отца-просветителя, переживает трагедию старшего брата-революционера— и зреет решимость выбора собственного пути... Здесь и заключены тот опыт, те жизненные общечеловеческие ценности, которые неизменны для любого поколения.

Владимир Ильич замечал, бывало: «...время работает на нас». И оно же, время, приближает к нам Ленина. Силой идейных убеждений, социальным материальным воздействием, свободой от материальных предрассудков, размахом интеллекта— Ленин во всем был человеком из будущего. И чем дальше утверждаемся мы в этом будущем, тем ближе нам Владимир Ильич.

— Познавать В. И. Ленина для нас означает познать самих себя,— говорит старейший революционер, член партии с момента ее основания М. Ольминский.

Наше развитие движется от веры к знаниям, от аксиом к теоремам, от преклонения перед Лениным к осознанию всего, что им совершено.

— Ленин не мог бы стать таким, каким он был, если бы он жил в другую эпоху, а не в эпоху пролетарской революции...— напоминает Н. К. Крупская.

Соглашаясь с Надеждой Константиновной и продолжая мысль, «если бы он жил в другую эпоху», понимаешь: и тогда бы Владимир Ульянов был выразителем того несметного и бесценного духовного богатства, которое накопила к его времени русская интеллигенция. И от обратного: Ленин не мог бы встать во главе социалистической революции, не вбери он тот духовный свет, тот освободительный порыв, ту готовность к самопожертвованию, которые накопились в русской интеллигенции с момента ее исторического появления... Размышляя над обликом Владимира Ильича, природой его мужества, М. Горький утверждает:

— ...это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости...

В нашей сегодняшней жизни, где чрезвычайные обстоятельства отступили в минувшее на многие десятилетия, где каждый волен выбирать и дело свое и путь, особенно необходим личный пример Владимира Ильича. Пример человека, который не раз повторял: надо торопиться жить, чтобы все силы отдать революции. И сумел стать одним из счастливейших людей на земле, построив свою жизнь в идеальном соответ-

ствии с тем, что считал достойным и правильным, добившись на своем жизненном пути того, о чем лишь мечтали многие поколения русских революционеров.

Для нас, нынешних, когда мы столько сил отдаем становлению детей, располагая для их воспитания и временем и возможностями,— нам именно теперь, пожалуй, как никогда прежде, важны самые четкие представления о подлинных нравственных ценностях, о том единственном, что действительно стоит передать тем, кто тебя продолжит.

— В доме Ульяновых царил дух взаимного доверия, любви и уважения к свободе друг друга,— вспоминает П. Лепешинский.— Не было ни споров из-за будничных интересов текущего дня, ни дрязг, столь обычных в обывательской среде, ни конкurenции из-за личных благ жизни. В этом смысле семья Ульяновых представляла из себя положительно аристократию духа, и Владимир Ильич в сугубой степени усвоил в своей дальнейшей жизни эту черту щепетильности по отношению к окружающим его людям, боязнь скандалов на почве столкновения каких-либо обывательских претензий и огромного благородства в элементарно-житейском смысле этого слова...

Как хорошо было бы всем нам понять сегодня, когда у каждого так много есть, а при материальном усердии может быть и того больше,— понять и проникнуть в саму природу бытовой скромности семьи Ульяновых, Владимира Ильича. Скромности, диктуемой не ограничениями напояк, не нуждой, не скарденностью, а благородным и сознательным стремлением к тому духовному богатству, которое только и достойно человека.

...У каждого поколения свой путь к Ленину. Время, конечно же, отстывает перед памятью потомков, однако и памяти вне времени тоже не существует. Но в каком бы поколении, кто бы ни обращался к жизни и образу Владимира Ильича, пожалуй, во все времена и для всех могут служить камертоном слова Н. К. Крупской:

— У меня странное чувство бывает, когда я пишу свои воспоминания. С одной стороны, мне кажется, что я должна рассказать рабочим, молодежи все, что помню об Ильиче, а иногда у меня шевелится такое чувство, что Ильич, может быть, был бы недоволен моими воспоминаниями, он так мало говорил о себе.

Понять сегодня Владимира Ильича как человека— это представить себе личность, неотделимую от наших дел, от коммунистического строительства, которое мы ведем, осуществляя свободное развитие всех и каждого. Чем больше проходит времени, тем ближе нам облик Ленина-человека. Наше развитие движется от веры к знаниям, от аксиом к теоремам, от преклонения перед Лениным к осознанию значения свершеного им. В стране, где перед людьми открылись мир книги и вселенная знаний, образ Ленина становится все ближе, понятнее.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 2 (1360) ЯНВАРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
молодая киноактриса
Дарья МИХАЙЛОВА

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

- 1 Егор ЯКОВЛЕВ. «СОВЕТУЯСЬ С ЛЕНИНЫМ».
- 2 «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРОФЕССИЯ».
Фоторепортаж Яна ВЛАДИНА и Сергея ВЕТРОВА.
- 5 Валерий ВИНУКОВ. «ОСЛЕПЛЕННЫЕ».
- 6 К 40-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДА ОТ БЛОКАДЫ.
Олег ШЕСТИНСКИЙ. «ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ».
- 8 НАВСТРЕЧУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ
МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Рассказ Михаила КОПТЕВА «ДЕНЬ НА ИСХОДЕ ТЕПЛА».
- 12 ФИЗКУЛЬТ-УРА!
Петр НОВИКОВ. «ДОБРАЯ СИЛА».
- 14 К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРКАДИЯ ГАЙДАРА
Тимур ГАЙДАР. «ВОЕННАЯ ТАЙНА».
- 16 ОТЕЧЕСТВО.
«СИБИРИАДА ВАСИЛИЯ СУРИКОВА».
Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 18 Стихи Михаила ВЛАДИМОВА.
- 22 ДИАС ВАЛЕЕВ.
«КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ
ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?»
- 24 Юрий РЮРИКОВ. «ЛЮБОВЬ И ПРОЗА ЖИЗНИ».
- 26 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28 Повесть Олега ШМЕЛЕВА «СКАТЕРТЬ НА ТРАВЕ».
- 32 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исеева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Я ДАЮ СВОИМ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРОФЕССИЯ

Ян ВЛАДИН,
специальный корреспондент
«Смены»

НА ТРЕНИРОВКАХ
ПРОИГРЫВАЮТСЯ
СИТУАЦИИ,
МАКСИМАЛЬНО
ПРИБЛИЖЕННЫЕ
К АВАРИЙНЫМ.

ВРАЧ-ГОРНОСПАСАТЕЛЬ
ДОЛЖЕН ИМЕТЬ
СПЕЦИАЛЬНУЮ
ПОДГОТОВКУ.

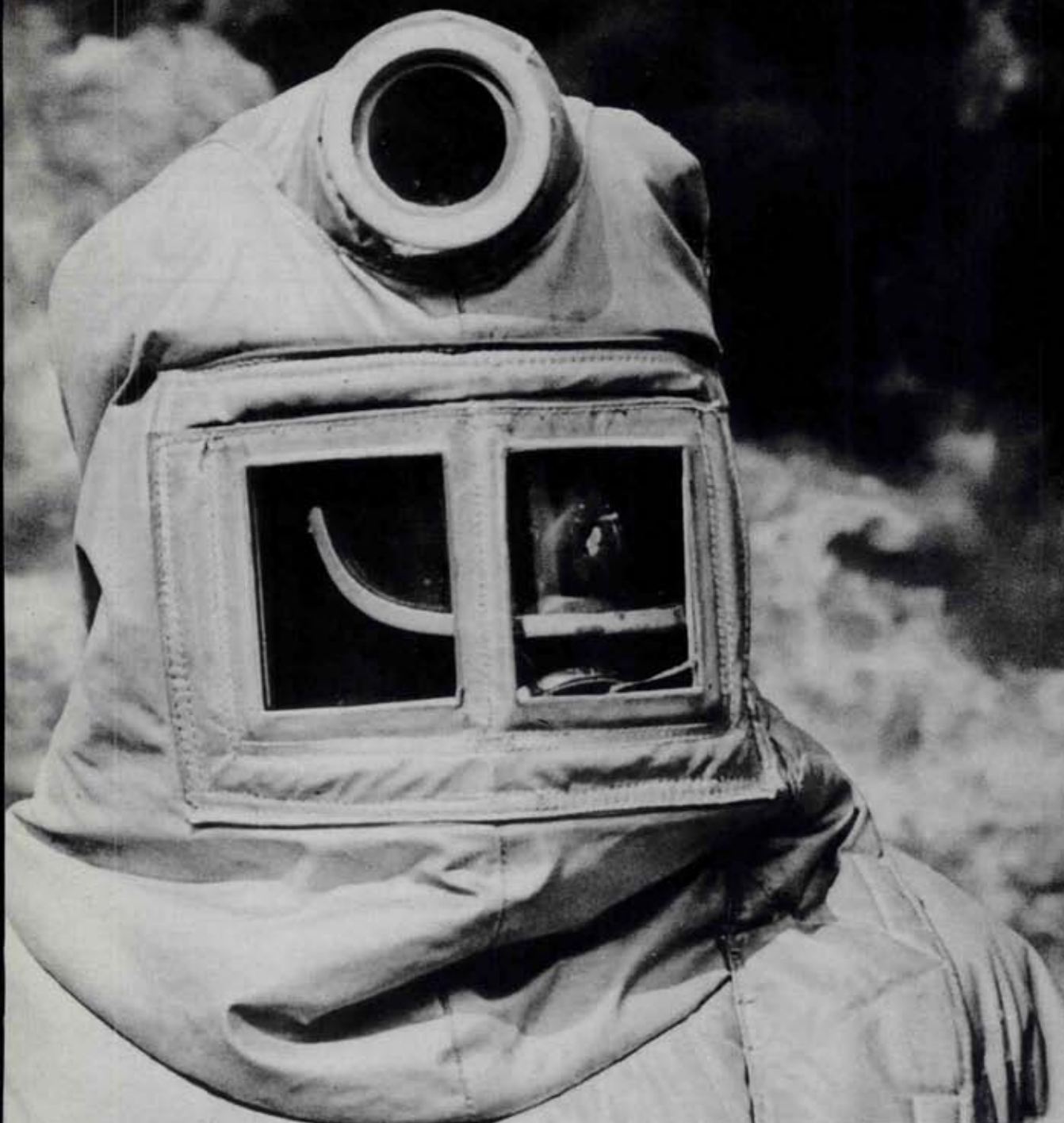
ПЛАМЯ ОТСЕКАЕТСЯ
МОЩНОЙ ПЕННОЙ СТРУЕЙ.

В 12 часов 15 минут отделение горноспасателей Владимира Моргунова было поднято по тревоге дежурным центрального штаба военизированных горноспасательных частей Донбасса. Спустя два часа Моргунов и его товарищи вылетели спецрейсом из Донецка в Болгарию. Группу советских спасателей возглавлял командир отряда Борис Семенович Любарский. Помимо необходимого набора инструментов и оборудования, на борту грузового АН-24 находились два зачехленных генератора инертного газа — новинка горноспасательной техники, на которую возлагались особые надежды.

Причины и приблизительные масштабы аварии в болгарской шахте им сообщили уже в самолете: самовозгорание угля в одной из самых мощных лав. Огонь распространился по вентиляционным штрекам, вызвал несколько взрывов метана. Людей удалось спасти, но оборудование в шахте и сама она находятся под угрозой.

С аэродрома, где уже ждали машины с включенными «мигалками», — сразу на шахту. Три часа заняла разведка. Моргунов, еще мокрый, с черным от угольной пыли и копоти лицом, доложил Любарскому обстановку и свои соображения о мерах ликвидации аварии. Руководитель советских горноспасателей согласился с Моргуновым и предложил немедленно ставить перемычки, чтобы отсечь пожар от основных штреков. Кое-кто колебался, считая эти меры преждевременными. И все-таки около полуночи штаб по ликвидации аварии принял план, предложенный советскими специалистами. Спасатели советские и болгарские принялись монтировать перемычки, постепенно сокращая зону распространения пожара.

Два генератора, возле которых несло бессменную вахту отделение Моргунова, работали непрерывно,

**ГОРНЯЦКИЙ
ХАРАКТЕР**

**В ТАКОМ ОБЛАЧЕНИИ
МОЖНО ВОЙТИ И В ОГОНЬ.**

Фото Сергея ВЕТРОВА

заполняя штреки, ходки, лавы инертным газом. Огонь, лишенный питательной среды — кислорода, отступал. Казалось, что самое страшное позади и пожар постепенно стихает. Замеры атмосферы тоже давали утешительные результаты. Спасатели пошли в аварийную зону, чтобы выяснить все на месте. Лава была отсечена от людского ходка перемычкой.

Не доходя десяти шагов до искусственной стены, они услышали нарастающий грохот. Моргунов оттолкнул в нишу идущего позади товарища, вырвал изо рта загубник респиратора, крикнул: «В укрытие!»

Взрывом снесло перемычку, у Моргунова волной сорвало с головы каску, осколком угля ударило в спину. Счастье, что рядом оказалась ниша... Пламя длинными языками плясало у них над головами. Спасатели сбили его струей воды, пошли в лаву. И не покинули ее, пока не восстановили перемычку.

Больше месяца советские горноспасатели помогли болгарским коллегам ликвидировать аварию. Каждый день они спускались в шахту и, рискуя жизнью, отстаивали ее от разрушения. Это была их работа. Их профессиональный и человеческий долг.

Всего лишь один эпизод из горноспасательной практики. Но как часты такого рода аварийные ситуации вообще?

...На одном из этажей Донецкого ВНИИ горноспасательного дела мне на глаза попался график, иллюстрирующий статистику аварий в мировой горнодобывающей промышленности. Начиная с середины шестидесятых годов ломаная линия неуклонно стремится вниз, доходит до определенного предела и дальше пляшет почти параллельно осевой, без признаков снижения. Одним словом, число аварий и их масштабы в суммарной величине стабилизировались на какой-то условной отметке. Это не может не вызывать законного вопроса «почему?». Ответ на него я получил там же, в институте.

Новое поколение горноспасательного оборудования, возросший уровень механизации шахтных работ, более жесткие требования техники безопасности дали заметное снижение аварий. Но не исключили их. Ибо человечество, исчерпав верхние горизонты подземных кладовых, устремляется в поисках необходимых ему ресурсов все глубже в земную кору. Там, внизу, совсем небезопасно; более высокое горное давление способно преподнести любые сюрпризы. Плюс к этому высокая температура — через каждые сто метров вниз она поднимается на 3 градуса. Отсюда — самовозгорание угля, любая искра может вызвать пожар.

А ведь сегодня никого не удивит тысячеметровой глубиной шахтных выработок. Работать так глубоко внизу тяжело, опасно. Но где альтернатива, если людям нужен уголь! Заколдованный круг? Нет. Разорвать его можно, если абсолютно точно выполнять в шахтах все требования технологии добычи, безопасности и повышать боеспособность военизированных горноспасательных частей. Мировая горная практика знает, как дорого обходится пренебрежение хотя бы одним из этих условий. Аварии только на четырех зарубежных шахтах унесли в общей сложности около трех тысяч человеческих жизней. Эксперты зафиксировали: жертв могло быть меньше, если бы вовремя подоспела помощь.

В России добровольные горноспасательные артели стали возникать стихийно еще в прошлом веке. Позже появились штатные команды. Брали туда бывших шахтеров, людей бесстрашных и, как правило, холостых. Потому что мало кто из них доживал до старости. Какого-то специального оборудования и инструмента у спасателей практически не было, и сложных работ они выполнять не могли. Но с развитием горнодобывающего дела совершенствовались методы защиты шахтеров, крепла спасательная служба,

оснащалась новой техникой. Появились специальные, армейского образца подразделения — ВГСЧ, с собственными лабораториями, техническими средствами, мощным автомобильным парком, связью, медицинской службой и прочим. Неизменным осталось лишь то, что принимают в горноспасательные отряды людей мужественных, обязательно бывших шахтеров, чтобы не надо было учить их азам горного дела.

Большинство спасателей — люди молодые, увидевшие в этой работе своеобразную романтику, какие-то очень гуманные начала. Чувство восторга быстро проходит, слишком многотрудна и опасна эта работа, зато остается гордость необычной профессией, привычка к ней, обостренное чувство шахтерской солидарности с теми, чьи жизни призваны оберегать спасатели. А потому немало среди них и ветеранов, людей, беззаветно преданных своему делу, истинных солдат подземных батальонов со стихией, мудрых и стойких.

...Четверть века назад пришел в горноспасательные части респираторщик Даниил Тимофеевич Левченко, удостоенный за свою работу знака «Шахтерская слава». Он помнит еще старые, с брезентовым верхом грузовики, на которых выезжали на аварии горноспасатели. И респираторы тогда были не столь надежны и инструмент попроще. Но все равно дело свое спасатели делали. Десятки шахтеров обязаны своими жизнями Левченко. А уж чего только сам он не испытал! И горел живо в лаве, и терял сознание от удущья, и породой его засыпало. Отлежится, накопит сил, и опять на дежурство.

На одну из недавних аварий отделение Левченко прибыло первым. Внезапным выбросом угля было залепчено около 100 метров лавы. За завалом в одном из безопасных отсеков остались люди. Надо было пробиться к ним как можно быстрее. Горноспасатели буквально вгрызались в породу, работая до

тех пор, пока не кончался воздух в респираторе. Короткий отдых, и снова брались за инструменты. Вдруг загорелся метан — сине-красные сполохи плясали под низкими сводами выработок. Спасатели разделились: одни гасили пламя, другие продолжали разгребать завал. Левченко успевал всюду. Его выносливость удивляла даже выдавших виды товарищей. Когда, наконец, ход был пробит и спасенных вывели в безопасный вентиляционный штрек, Левченко сел на груды угля и произнес: «Помогите идти, мужики, устал что-то...» Врач, осмотревший Даниила Тимофеевича, констатировал: «Полное физическое истощение...»

Познакомился я и с напарником Левченко, его учеником Александром Путилиным. Два года назад Путилин, только что зачисленный в ВГСЧ, пошел в первую свою разведку рядом с Левченко. Разведка — это рейд одного из отделений горноспасателей, которому поручается установить подлинный масштаб аварии. Дело опасное, потому что разведчикам в первую очередь приходится сталкиваться со всякого рода неожиданностями.

Отделение прошло метров восемьсот по уклону, связанное специальным шнуром, чтобы не растерять друг друга в задымленном штреке. Путилин нес запасной респиратор, шахтерский самоспасатель, а всего — несколько десятков килограммов груза. Немалая ноша выпала и его товарищам. Но они уже бывали в подобных переделках, а для Александра та разведка была боевым крещением. Вполне понятно, что Путилин временами терялся. Шахта — тот же подземный город: тупики, улицы, перекрестки, площади. Но спрашивать дорогу не у кого, кроме спасателей, в штреке никого! И надо при условиях нулевой видимости не сбиться с пути, не пройти мимо нужного поворота. А главное — точно определить размеры опасности, места скопления рудничного газа, выбрать наиболее эффективный способ ликвидации аварии.

В какой-то момент Путилин потерял ориентировку, зацепился респиратором за крепь, чуть не оборвал шнур, связывающий его с Левченко. Тот понял, что парню нужна поддержка, подтолкнул его вперед, снял с плеча Путилина запасной респиратор. Когда они вышли на свежую струю воздуха, Левченко остановил Александра.

— Бывает и хуже, парень. Привычка нужна. Еще одна такая разведка, и считай, испытание прошел.

Спустя два часа отделение, выполнив задачу, подошло к клетевому стволу, возле которого размещалась подземная база ликвидации аварии. Командир отделения доложил, где находится очаг пожара, возможные пути его распространения, показал на карте участки опасной концентрации метана. Развед-

чики могли подняться на поверхность и отдохнуть. Вдоль вперед вышел Путилин.

— Прошу разрешения остаться и принять участие в ликвидации аварии.

Левченко, стоявший рядом, одобрительно кивнул: — Будет горноспасателем, есть в нем наша жилка. Тогда внизу осталось все отделение.

Что же такое «наша жилка», по выражению Левченко? Умение преодолевать слабость, способность идти на риск, подавлять в себе естественное чувство самосохранения? Не только. Служба в ВГСЧ — это подчинение поистине железной дисциплине, незыблемому уставу и порядку. Боец предоставлен сам себе только одни сутки из четырех, остальные трое он или на дежурстве, то есть в состоянии готовности в любую минуту выехать на ликвидацию аварии, или в резерве. Что почти одно и то же.

В каждую из квартир, где живут бойцы ВГСЧ, проведена сигнализация. Достаточно диспетчеру нажать тумблер, и зуммер сорвет с места любого из горноспасателей. Три минуты — это максимум времени, которое отпущено бойцам, чтобы прибыть в расположение взвода: по издавна заведенному порядку дома горноспасателей расположены не далее 200 метров от места их службы.

В этой связи рассказывают немало почти анекдотических случаев. Один из респираторщиков, например, вызванный по тревоге 31 декабря, прибыл в расположение взвода в полном облачении Деда Мороза: он поздравлял с праздником своих и соседских ребятшек.

Переодеваются в рабочую (читай: боевую) форму они уже на ходу, в машине, где костюмы хранятся вместе с респираторами и инструментами. Все снаряжение респираторщиков находится в абсолютном порядке и уложено так, чтобы бойцу не нужно было тратить ни одной лишней секунды на его подгонку. В полной боевой готовности содержится и автомобильная техника. Нечасто встретишь на улицах города эти яркие с желто-красными кузовами машины. Но уж если они вырываются из гаражей, значит, случилась беда.

Донецкий отряд, которым ныне руководит Эдуард Викторович Смолинский, оберегает от аварий все шахты города. Но в случае необходимости бойцы отряда могут быть переброшены в другую область и даже в другую страну, что бывало уже не раз. Донецкие горноспасатели по первому же сигналу опасности вылетали для ликвидации аварий в Индию, Чехословакию, Болгарию и в другие страны.

Заместитель начальника горноспасательной станции шахты имени газеты «Социалистический Донбасс» Игорь Петрович Ищенко оказался человеком

поистине богатырского сложения и, как выяснилось позже, завидного темперамента. Прежде всего Ищенко не без гордости продемонстрировал мне автоматизированную систему ликвидации аварий, работающую в комплексе с ЭВМ. Суть системы в следующем: получив сообщение об аварии на любом из участков шахты, начальник смены вкладывает в ячейку соответствующую перфокарту. Мгновенно на табло загораются строки, диктующие шахтерам необходимые меры безопасности, включается система дополнительной подачи воздуха, воды, вызываются нужные специалисты. Система надежна и очень удобна. Жаль, что повсеместное ее внедрение идет слишком медленно.

Затем мы спустились на отметку 705 метров. И это был еще не самый глубокий горизонт шахты. По обходной выработке вышли к грузолодскому ходу и по конвейеру проехали около километра к одному из штреков. Еще минут пятнадцать ходу, подъем по сбойке между штреками, и Ищенко остановился у входа в лаву.

— Держитесь возле меня. Дальше только ползком...

Лавы не предназначена для прогулок, высота ее всего около метра. Но отступать поздно. И вот самоспасатель трется у пояса и цепляется за крепь, угольные осколки вонзаются в колени, локти, ладони, пот заливает лицо. У Ищенко сноровка, выработанная годами, у меня — только энтузиазм. Я с завистью наблюдаю за тем, как этот грузный, огромный роста человек ловко передвигается по лаве. Мне же кажется, что еще немного, и я не смогу идти.

Наконец лава кончается. Мы выходим в вентиляционный штрек, по которому можно идти свободно, распрямившись во весь рост. Игорь Петрович не просто ведет меня за собой по шахте, он показывает свое хозяйство — шкафы с запасными респираторами и инструментами, аптечки, пожарные краны. Все в идеальном порядке. Время от времени Ищенко подносит к «потолку» прибор для замера содержания в воздухе метана; оснований для беспокойства нет.

В общей сложности наше путешествие продолжалось четыре часа, показавшиеся мне едва ли не сутками. Выбравшись на поверхность, Ищенко сощурился, поднял взгляд к небу:

— Солнце-то что делает, а! Чудо ведь как хорошо!

За те дни, что я провел рядом с диспетчером возле пульта, табло тревоги так ни разу и не вспыхнуло. Все дни недвижимо стояли в гараже машины. Но люди, верные своему долгу, ежесекундно были готовы к борьбе со стихией. И те сутки покоя виделись мне слишком малой для них наградой за уже испытанное и за то, что им еще предстояло.

ОТДЕЛЕНИЕ
ЗАСТУПАЕТ
НА ДЕЖУРСТВО.

Ослепленные

СТАДИОН ДЛЯ ВСЕХ! НО НЕ ДЛЯ ПЬЯНИЦ

Валерий ВИНУКОВ

...Врачи спасли ему жизнь и ясность сознания, но зрение не смогли: такой серьезной оказалась травма головы. А ему еще только восемнадцать, вся жизнь впереди, и до конца жизни он обречен на существование в кромешной тьме. Для него не пробьется солнечный луч сквозь куст сирени, и не откроется для него в конце просеки поляна солнечно-голубых ромашек, и не нагнется он к васильку во ржи. Он никогда не увидит улыбку на лице матери и никогда не увидит сына... если... если будет у него сын. Он учился, чтобы стать рабочим. Он мог бы создавать материальные ценности и учиться дальше.

Как, где, почему, когда потерял он зрение, бесценный дар природы? Спасая друга или народное добро при пожаре? Защищая границу Родины от врагов? Пытался предотвратить аварию на производстве? Останавливал хулиганов?

— Мы побежали, все вместе, с криками,— тихо рассказывает он, с трудом выдавливая из себя слова.— Не знаю куда. Не знаю зачем. Я упал. Вот и все...

Ему больно об этом говорить. Он толком ничего и не помнит. Он так постирал, что и не будем его мучить воспоминаниями. Но ведь нельзя же от такой трагедии отмахнуться. Она ничем не была вызвана, ничем не оправдана.

Как всегда, он с такими же молодыми пареньками решил пойти на футбол. Поболеть за любимую команду, пошуметь на трибуне стадиона. И, как всегда, они выпили. Они ведь уже считали себя взрослыми, учились в ПТУ и техникумах, получали стипендии и зарабатывали на заводах. Не воровали и не грабили. Выпили на «свои». Много ли надо выпить юнцу, чтобы одурманить сознание, чтобы ничего не помнить, чтобы бежать, не зная куда, не зная зачем?

Мы живем в обществе, где трагедия одного становится болью для всех. Таких же молодых ребят, вчерашних студентов ВГИКа, до глубины души потрясла трагедия ослепшего рабочего парня. «Вне игры» — так назвал свою дипломную работу Сережа Баранов. Пьяные, одурманенные, орущие, приходя на стадион, остаются «вне игры». Они же оказываются потом «вне игры» и в жизни.

Я смотрел материал, отснятый молодыми кинохудожниками на стадионах, вспоминая подобные сцены — к несчастью, как много их накопилось в памяти за два десятка лет работы футбольным репортером,— и на душе было горько из-за того, что какая-то безнравственная пьяная гадит нам такое светлое и жизнедающее занятие, как спорт. Сталкиваясь с такими посетителями стадионов, испытываешь чувство брезгливости по отношению к ним и даже чувство стыда за свою принадлежность к футболу, почему-то вызывающему у этих людей желание смотреть на поле ослепленных водкой глазами. Но что я говорю? Разве виноват в этом спорт, футбол? Нет, я не могу надеяться на то, что эти строки прочтут и поймут те, кто в пьяном дурмане не видит и не понимает того, что происходит на поле. Но всех их, всех до одного я был в принудительном порядке заставил посмотреть на себя со стороны, посмотреть трагедийные кадры того документального фильма.

А в жизни, на трибунах стадионов их поведение выглядит и того страшнее. Если сразу по окончании матча надо спешить в редакцию, то приходится пробиваться сквозь эту толпу пьяных молодчиков, которые дергают тебя за

куртку и вопят что-то в ухо о судье или футболистах. Если передаст отчет со стадиона и покидаешь его позже всех, то становится горько при виде мешков с тысячами пустых бутылок, выгребаемых работниками стадиона из-под скамеек. Если ты пришел на стадион за час до игры и успел списать из протокола составы команд, то выходишь и смотришь, как течет толпа в ворота, а в ней обязательно куражатся пьяные фигляры, чаще всего такого же возраста, как молодые солдаты, которые, выстроившись в ряд, обеспечивают порядок.

Орущие парни с залитыми дешевым портвейном красными глазами и молодые ребята в военной форме, молча и с презрением глядящие на тех, кто так «отдыхает». Солдаты, давшие присягу защищать, охранять мирных тружеников. Но ведь и этих, «отдыхающих».

Ему же вот-вот предстояло призваться на воинскую службу, тому, кто ослеп, когда бежал, не зная куда, не зная зачем.

Спортивное зрелище, по самой сути своей светлое, повтори, и жизнедающее, доставляющее радость, наслаждение и самим спортсменам и любящим их зрителям, для того, собственно, и существует, чтобы очищать тело и душу. Миллионы людей так и воспринимают его. Но среди этих миллионов находятся, на наше горе, такие, кто оставляет на трибуне пустые бутылки.

Красота спортивного зрелища для таких не существует. Они не видят и не понимают игры. Для таких противно играть футболистам и хоккеистам. Капитаны и комсорги команд, в свое время обратившиеся к болельщикам с обращением, так прямо и говорили: мы не хотим играть для хулиганов и пьяниц. Диктор на стадионе читает это обращение. Но читает и сводку, полученную в отделении милиции после предыдущего матча. Называет фамилии и адреса тех, кто был задержан в пьяном виде до начала и по окончании игры: слесарь... инженер... научный работник... студент... Знания не прибавляют ума, образование, увы, не исключают безнравственности.

Безнравственность — синоним аморальности. Загляните в философские словари: аморализм — принцип практической или идейной ориентации, означающий отрицание моральных устоев и общепринятых норм поведения в обществе. На практике он может быть связан с нравственной неразвитостью того или иного индивида или порождаться социальными противоречиями. Когда я видел толпы бесчинствующих английских или западногерманских болельщиков, то понимал, что их бесчинства могут быть порождены социальными противоречиями. Но у нас? Слесарь... инженер... научный работник... студент... Нет нет иного объяснения, кроме нравственной неразвитости данной личности.

На открытом комсомольском собрании в одном из механических техникумов обсуждают поведение студентки, нарушающей внутренний порядок, дисциплину, пока еще учебную, не трудовую (впрочем, учебная — она же для студентов и трудовая). Выступают, кричат. Она слушает спокойно, безразлично. И вдруг выясняется: эта студентка была задержана в компании своих знакомых или полузнакомых в другом городе, на стадионе, в пьяном виде. Комсомольцы ошарашены, преподаватели, естественно, тоже. Никто не знал, не предполагал, не подозревал, что она такая рьяная болельщица. «Нравственная неразвитость индивида, духовный распад личности»? Она ведь живет и учится в коллективе. Почему мы так мало порой знаем об интересах и духов-

ной жизни людей, каждодневно окружающих нас? Ничего особенно плохого не могу сказать об этом достаточно знакомом мне техникуме. Обычный, с нормальной успеваемостью. А уборщица рассказывает, что вечерами выносит из аудиторий пустые бутылки. А спустя год после того комсомольского собрания — трагедия: другая студентка погибает на стадионе, затоптанная в толпе своих пьяных полузнакомых...

Да, все это частные случаи. Да, это многолетние наблюдения. Но они не забываются. Потому что на каждом матче, практически в любом городе вижу одну и ту же сцену. Рассаживаются неподалеку от ложи прессы внешне интеллигентные молодые люди, ставят между собой толстый портфель, способный вместить не одну диссертацию. Портфель, полный бутылок и «закуски» (ее, понятно, меньше). И не успевает начаться игра, как все они уже, мягко говоря, навеселе, а кто-то — «на бровях». Его укладывают под ноги, чтобы не уполз, и время от времени из-под скамейки раздаются крики: «Вперед, Бразилия!», а в подобной же ситуации на хоккейном матче: «Дави, Пахтакор!» Они не видят игры, им не нужна игра. Нуна бутылка...

У них сидят в милиции и отвечают на вопросы. Грозят кулаком мне, журналисту, который достал блокнот. Потому что журналисту стыдно за футбол и он хочет записать ответы этих, извините, нравственных недорослей: одурманенный алкоголем теряет человеческое достоинство. Я хочу записать ответы, чтобы стало ясно: «эти» не имеют никакого отношения к любителям спорта, к футбольным болельщикам, они не знают, кто с кем играл и как сыграли, не знают фамилий футболистов, не знают вообще, зачем пришли сюда, на стадион... «Побежали, все вместе, с криками. Не знаю куда. Не знаю зачем».

Переживают футболисты, чуть ли не вину чувствуют за безобразное поведение пьяниц, называющих себя болельщиками. Переживают потому, что кажется футболистам, будто они привели сюда этих «индивидов».

Переживают милиционеры, которые с ног сбиваются, стараются проникнуть «внутренним взором» в содержимое сумок и портфелей, «рентгена» нет у них, нет юридического права обыскивать каждого. Как угадать, не несет ли тот хорошо одетый молодой человек в белой рубашке с галстуком бутылку водки в «дипломате»? Можно ли обидеть подозрением, обыском истинного любителя спорта? Милиция отвечает за нашу безопасность, за жизнь выпившей с «полузнакомыми» студентки, попавшей по случайности неразборчивости в пьяную ораву.

Переживают родители, когда-то приведшие на стадион сына или дочку, чтобы приобщить к спорту. Но, снова спрошу: при чем тут спорт? Кто и когда не заметил, как молодой человек приобщился к бутылке? Он ведь может выпить в техникуме и на заводе. Там не дадут распоясаться, и он идет на стадион, в толпу, где, кажется ему, можно остаться незамеченным.

«Незамеченные» портят нам отдых. Портят жизнь окружающим, родителям и, не понимая (что способны понять ослепленный алкоголем?), себе. Они наносят оскорбление сначала спорту, потом обществу. И, к слову сказать, проверить бы, за чей счет, не за счет ли рабочего времени ездят они в другие города сопровождать якобы любимые команды, а на деле пьянствовать в безнаказанности.

Оскорбляют спорт, оскорбляют обще-

ство. Спорт, воспитывающий мужество, смелость, патриотизм. Работы и гордость после спортивных побед побуждают лучше трудиться. Это не выдумки, что победы любимых команд вдохновляют и повышают — да, это проверенные факты — работоспособность трудящихся. Большие цифры способны сказать о многом. Они и говорят о том, как любим нашим народом спорт, какую пользу приносит он здоровью людей, как улучшает работоспособность, жизнедеятельность. Все это бесспорно.

Но ведь есть и другие цифры, характеризующие потери рабочего времени из-за пьянства. А разве станет пьянствовать по-настоящему увлеченный спортом человек? На любом стадионе, в близлежащем к нему отделении милиции вас познакомят с цифрами, характеризующими потери свободного времени из-за пьянства, вред, нанесенный алкоголем отдыху — не только отдыху пьяниц, но и отдыху окружающих.

Я, конечно, понимаю, что бороться с любителями спиртного на производстве не так уж просто, но можно и вовсе не безнадежно. Но понимаю и то, насколько труднее бороться с так называемыми любителями спорта, а по сути — с теми же пьяницами, прикрывающимися иной личиной. И здесь не владеют одним только милиционером и дружинником. Но разве не могли сладить с двумя студентами комсомольцы целого техникума? И разве не можем сладить с ними все мы вместе, посетители стадионов, по-настоящему любящие спорт? Неужели мы требуем невозможного? Соблюдения общепринятых норм поведения и следования моральным устоям нашего общества! Но всегда ли мы проявляем нетерпимость к тем, которые рядом с нами на трибуне стадиона творят недопустимое? Нас же неизмеримо больше, чем их,— и, конечно, не только на трибунах, но и в жизни.

Однако спросим себя откровенно: часто ли мы наказываем за выпивку в общественном месте, к примеру, комсомольским выговором, общественным или административным взысканием? И не оказываются ли порой увещевания пьяниц так же «эффективны», как то обсуждение в техникуме? Ведь именно коллективы — рабочий, комсомольский, студенческий — просто обязаны поставить перед пьяницами первый и самый жесткий заслон.

Ослепленные алкоголем, потерявшие из-за него зрение — этот дар природы вечный, дар бесценный и святой, в нем источник бесконечной наслаждения красотой (так, кажется, в «Иоланте»), что могут вызвать они, кроме презрения и жалости?

...Ослепшего молодого человека люди не оставили в беде. Зрение вернуть ему уже никто не в силах. Но в центре реабилитации слепых, что в Солнечногорске, его научили пользоваться посохом, реагировать на шум, читать осязанием. И вот он идет, постукивая палкой по асфальту. Идет вдоль стены, испанской «фанатами», пестрящей проклятиями в адрес нелюбимых. Вдоль стены, испанской теми, кто когда-то выпивал и бежал вместе с ним и кому теперья он не нужен. Ведь он уже «вне игры», вне их «игр». Он никогда не прочтет того, что они пишут на стенах. Но вдруг он услышит их рев, проходя мимо стадиона? Услышит их дикие крики. И тогда он ужаснется и содрогнется: на него обрушится прошлое.

Как же заставить их почувствовать то, что чувствует сейчас он?

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Присягаю граниту,
в нем выбито слово,
в слове — мысль и завет.
Я обветрен не ветром —
невзгодой суровой,
закален не невзгодой —
в горниле побед.

«СПИТЕ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ,
РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ,
В СУРОВЫЕ ДНИ БЛОКАДЫ
ПАЛИ ВЫ, ЗАЩИЩАЯ
ГОРОД ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ».

Я умру, но останется вечно
в граните
эта гордая фраза,
начиная со «Спите...».
Но не спят
эти павшие, нет!
Если дух гуманизма
над простором России,
значит, вы не погибли,
вы трижды живые,

Это было сорок лет назад. 27 января 1944 года, несмотря на туманную погоду и необычные для этого времени лужи, десятки тысяч ленинградцев вышли на улицы и площади своего непокоренного города к репродукторам, установленным в свое время для оповещения населения о воздушных тревогах и артобстрелах. Многие по привычке жались к стенам домов, обходили участки улиц с надписями «При артобстреле эта сторона наиболее опасна!», но, вспомнив о разгроме немецко-фашистских войск, улыбались. Диктор читал приказ войскам фронта: «...В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленина полностью освобожден от блокады...»

История знает немало случаев героической обороны городов. Но эпопея человеческого мужества защитников осажденного Ленинграда беспримерна. 900 дней, 900 ночей блокады. Летопись патриотического подвига, который в нашей памяти навсегда...

из лент
разделяют страницы...
И не скоро еще
на страницы пролиться
детской скорби...
Грянет час —
и на плечики девочки тихой
ложится
бремя блокадных легенд.
Я умру, но останется вечно
в граните
эта гордая фраза,
начиная со «Спите...».

ГЕРО СИМФ

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

значит, ясен и четок
ваш след.
Таня Савичева, две торчащих косицы,
Таня Савичева, мне сегодня
приснится
елка в дивном свеченье гирлянд.
Нет еще ни войны, ни огня,
ни беспхлебья,
и над снежной землей
великолепье —
это твой ослепительный бант.
Не встречались ли, Таня,
мы с тобой в хороводе,
что водили под елкой
при веселом народе?
Слышу тоненький твой голосок.
О, воробышек предвоенного детства,
ты не ведаешь, Таня,
какое наследство
человеку
оставишь в свой срок.
И пока что
на белых листочках
из школьной тетрадки
только птички летают
и скачут лошадки,
и цветные закладки

Нет, не спят
эти павшие, нет!
Мать,
отдавшая сыну последнюю корку,
сын,
бредущий с санями, качаясь,
под горку,
чтобы ведра наполнить водой, —
вас, завернутых в простыни,
порой беспощадной
хоронили в широкой могиле
блокадной,
по весне,
запестревшей травой!
Жизнь жестокая там,
приукрасить, поправить
не пытайтесь ее.
И высокая Память
Той страды навсегда осенит
гуманистов,
какими себя мы считаем,
и высокую Память свою
завещаем
молодым, устремленным в зенит.
Я признаюсь

ОЛИЧЕСКАЯ ОНИЯ

раздумья иные...
Но, постойте,—
мы вышли оттуда живые!
Жизнь стремительна
в нескончаемом беге...
Нас почти не останется
в наступающем веке.
Хорошо быть, конечно,
спокойным и скромным,
но мы, братья,
владеем
богатством огромным
духа,
честности,
непреклонности,
воли,
преодоления драмы и боли,—
так об этом
свидетельствуйте,
расскажите,
дайте путь
словам и высоким нотам...
В этом, если хотите,
в этом, если хотите,
заключается
долг наш
перед народом.

тревожно-натужны,
мы с товарищем
соприкасались плечами,
мы с товарищем
встречались глазами
и не щуплыми мальчиками,
а бойцами
на чердак поднимались,
сверкая щипцами,
чтобы зажать «зажигалки»
в стальную их челюсть,

не славословия ради,
ради истины точной, нагой—
я обязан блокаде,
я обязан блокаде
своим нравом, своею душой.

В ту страду я познал
необъятную меру
материнской любви.
Всё до капли —
свою жизнестойкую веру
и устои свои
мать,
смирняя душевный,
негаснувший трепет,
мне пыталась вложить
в разум...
Ласточка малая лепит
так гнездо, чтоб птенцам ее жить,
когда буря огнем полыхает на небе,
хочет тучами даль обложить.

В ту страду
я познал цену
истинной дружбы,—
когда выли сирены,

этим самым
над смертью смеяться осмелюсь.
О друзья мои ныне
по стихам, по поездкам,
оглянусь я порой,—
а запеть мне и не с кем,
оглянусь я порой,—
и с тем мальчиком дерзким
остаюсь лишь
во времени пионерском.

В ту страду я познал
и иную науку—
ненавидеть учился
ханжу и хапугу,
подхалима, лжеца
с лицемерным советом...

Так блокада сияла
мне нравственным светом.

Нас все меньше и меньше,
сверстников по блокаде,
и заботы иные
ловлю я во взгляде,
интересы иные,

За горами, долами—
блокадное время,
и вокруг громыхает иная эпоха,
но сегодняшним людям не следует
с теми
горожанами расставаться духовно.
Потому что они
до последнего вздоха,
до последнего вздоха
и беспрекословно
защищали Отчизну,
о мире мечтая,—
в этом истина
вечная и простая.
Сын мой,
веря в великие цели,
ты по жизни иди
твердо и без печали,
защищая Отчизну
так,
как мы умели,
и мечтая о мире
так, как мы мечтали.

ДЕНЬ НА ИСХОДЕ

НОВОЕ ИМЯ

Биография кировчанина Михаила Коптева не удивит какой-то особо яркой деталью: учеба в школе и Пермском государственном университете, первые трудовые уроки в это время — работает в совхозе, на стройке, телефонном заводе. Потом, уже с дипломом, — самостоятельная жизнь. В общем, все так, как может быть и у многих других людей, перешедших рубеж тридцати лет. Но вот в чем видится неординарность личности молодого писателя: он счастливый обладатель той неуловимой, порой чудесной, яркой краски жизни, которая наполняет его мироощущение особым светом духовности. И черпает ее молодой писатель из палитры родного края, он прикипел душой и сердцем к его людям, чутко вслушался в их язык, глубоко прочувствовал их мечты и будничные заботы. Поимем же, вслушаемся и мы с вами, читатели...

Михаил КОПТЕВ

РАССКАЗ

очью Наталье приснилось, что мама жива.

Ей всегда казалось, что мать жива, просто она надолго ушла куда-то, но однажды под вечер — непременно под вечер — вернется домой, будто и не уходила вовсе.

И вот мать вернулась. Наталья спешит насладиться ее присутствием. С приходом матери на душе стало светло и спокойно.

Мать стоит у ограды с горбушкой ярушника и поджидает корову Розку. Наталья сидит на завалинке, свесив босые ноги. Медленно двигаясь по деревне, стадо докатывается до их дома. Пестрая корова осторожно захватывает губами хлеб. Мать ласково похлопывает ее по шее.

Волна счастья окатывает Наталью. Как все хорошо! Это был тяжелый сон, что мать умерла, растворилась в вечности. Нет, она жива, она рядом. Как сильно будет Наталья любить и беречь ее! Ничего, ничего Наталье от жизни не надо, только бы мама была жива. Какое счастье, что смерть матери — только сон!

Наталья спит счастливой и счастливой просыпается. Но уходит сон, и приходит печаль.

Одиночество, необратимый уход матери — это не приснилось. Это есть, это правда, это навсегда. Ничего не поправишь.

И Наталье горько.

За многие годы Наталья привыкла к одиночеству. Лишь иногда вспыхивала в ее душе обида на судьбу, которая заставила ее пережить и братьев, и мужа, и дочь. Но Наталья старалась погасить эту боль, понимая, что с судьбой не поспоришь, тем более теперь, когда жизнь уже прожита.

Сколько лет ей, она и сама не знает. Сколько пережила, сколько всего перевидела, сколько чужих детей вынянчила — как все это сосчитаешь? Да и зачем?

Она знает, что лет ей много.

В это утро ей становится особенно одиноко. Каждая вещь в избе напоминает ей об ушедших. Последней из них была старшая сестра, Анна. Девочкой ее отдали в город, в няньки, потом она устроилась на шубно-овчинный завод, а когда вышла на пенсию, вернулась в деревню. Жить вдвоем было и полегче и повеселее. Но вот уже несколько лет Наталья снова одна.

Рано утром к Наталье заходит попрощаться Женя, сын Настасьи Сенихи, с которым Наталья когда-то водилась. Он одет в офицерский мундир, в руке — желтый кожаный чемодан, перетянутый ремнями.

Приезжая в отпуск, Евгений всегда навещает Наталью, приносит ситцевый платок или кулек конфет, и они каждый раз вспоминают, как Никита Антипович, встречая маленького Женю на улице, страдал: «Твоя Наталя черная, небаская!» Ее утром в село на машине утащили. В кузов бросили — только ноги сбрыкали! — А Женя, сдерживая слезы, кричал: «Наталя хорошая, Наталя белая, Наталя в бане мылась!» — и бежал к Наталье удостовериться, что никто никуда не увез ее.

— Отгостился, Женя? — ласково спрашивает Наталья.

— Да, тетя Наташа. Пора снова на службу.

— Ну, в добрый час! Приезжай на будущий-то год. В городе шум да хрипот, а у нас никто не стукнет, не брякнет.

— Спасибо, тетя Наташа. Приеду, конечно, приеду. Тебе, может, лекарства какие прислать? Если что, ты скажи маме, она напишет — я вышлю.

— Да нет, Женя. Лекарства — это что... Одно лечат, другое калечат. Я уж без них как-нибудь. Вот кабы ты мне молодости привез...

Сидя у окна, Наталья долго смотрит вслед Евгению. В селе он сядет на автобус, через три часа, наглотавшись пыли, доберется до города, там возьмет билет на поезд и поедет дальше.

Летом в деревне немало приезжих — почти в каждом доме гости. Ближе к осени они начинают разъезжаться. Все хвалят деревню за чистый воздух и тишину, только говорят: отдыхать здесь лучше всякого курорта, — а вот всю жизнь прожить... И к холодам деревня пустеет.

Наталья достала из-под лавки проржавевшее ведро. Надо лезть в подполье за картошкой.

С трудом открыв западно — шарниры давно заржавели и поломались, вместо них прибиты два куска толстой резины, Наталья осторожно нащупывает ногой приступок шаткой лестницы. Подполье дышит на нее прохладным запахом земли, прелого дерева и плесени. Сквозь маленькое оконце над самой землей пробивается слабый рассеянный свет.

Вот и картошка в углу. Дрябнет картошка, израстает. Да и такой немного осталось. Но до новой хватит, скоро свежую копать.

Обламывая ростки и складывая картофелины в ведро, Наталья оглядывает стены. Вроде все хорошо. Нет, вон в углу опять белый налет наподобие тополиного пуха. Грибок проклятый, и откуда он берется!

Грибок — это беда для дома. Съест бревна — не заметишь. И ничем его не остановишь. Наталья этот налет и ножом соскребала, и солью присыпала, как соседи советовали, а он снова появляется и точит, точит стены. Ветшает дом. Еще год-два — и надо будет низ подводить. Об этом Наталье и думать не хочется. Подводить дом — значит мужиков нанимать, где-то лес добывать, а это все деньги. Да где же Наталье столько денег взять?!

Поев, Наталья убирает со стола чайник и кастрюлю с картошкой, моет теплой водой чашку и ложку, протирает их холщовой тряпкой и убирает в тумбочку, купленную когда-то у Поли Полуницы, еще раз проверяет, выключена ли плитка, закрыты ли выюшки, и, сняв в сенях с гвоздя тяжелый замок, купленный недавно в хозмаге, запирает избу, выходит из ограды. По деревенской улице, где ей знакомы каждый изгиб тропинки, каждая кочка и выбоина, направляется в сторону села. На ней черный сарафан, серая кофта в красную крапинку и старые кеды. Она идет и примечает, что делается вокруг.

У Кати Александровой сельские мужики шлят «Дружкой» дрова — из больницы ей привезли две машины. Катя сейчас на пенсии, а раньше работала медсестрой. Лет тридцать пять, наверно, проработала.

В Подгорице Никита Антипович, одетый в лиловую рубаху навыпуск, сатиновые штаны и резиновые сапоги, косит траву на кочках. Настасья Никитиха руками переворачивает сено, скошенное накануне. На ней сапоги с обрезанными голенищами, старое платье, черный застиранный фартук, на голове — белый платок, повязанный под курочку.

Раньше любил Антипович подшутить над кем-нибудь. Чаще всего над Тонькой Ваныхой подшучивал. Одну его шутку до сих пор в деревне помнят.

Тонька Ваныха каждое лето в лесу корьё драла, лекарственные травы собирала и в заготконтору сдавала. Никита Антипович остановил ее как-то возле конюшни и говорит: «А ты знаешь ли, что мне Кузя Ремок сказал?» «А че?» «А то, Имям, говорит, майских жуков велели собирать и в область отправить. Большие деньги за это платят. Поболье, чем за травы-то». «Али взаправду?» «Говорят тебе!»

Вечером Ваныха с сыновьями вышла на промысел. Парни трясли молодые березки, а Тоня ползала на коленях по земле, собирая жуков в самую большую корчагу, какая была у них в хозяйстве. На другой день, когда конюх Сенег поехал в село, рядом с ним на телеге сидела Тонька Ваныха, придерживая две прикрытые положиной корчаги, доверху набитые майскими жуками. Время от времени она наклоняла голову и прислушивалась к шуршанию жуков, беспокоясь, как бы те не сошли и не лишили ее заработка...

Никите Антиповичу скоро восемьдесят, а он все работает на совхозной ферме ночным скотником. Быстро еще бегаёт. За всю жизнь водки в рот не брал и табака не курил. Об этом даже в районной газете «Сельский труженик» заметка была.

Все работают, заготавливают на зиму кто дрова, кто сено. Лето короткое, только начнется — нужно к зиме готовиться. Сейчас начало августа, а уже чувствуется, что скоро лету конец. Через неделю-две, а то и раньше повеет осенью, пойдут дожди, появятся желтые листья на деревьях, и только в сентябре, в пору бабьего лета, промелькнет несколько грустных теплых дней, а потом опустится на землю долгая слякотная осень и еще более долгая студеная зима. «Лета ждали-ждали и не видали», — говорят в деревне.

Наталья выходит на околицу. Отсюда и Зимогорье видно. От деревни до села километра два. Спустишься с пригорка, перейдешь по мосту речку Быстринку, поднимешься в гору — вот и село. Недалеко. Но зимой, если не расчистят дорогу бульдозером, никуда из деревни не выбраться. Такие косы наносит до крыш, чуть не до проводов телеграфных. Мужики, которые в село на работу ходят, конечно, и по челку пробьются. А у Натальи сил нет по сугробам ползти.

Осенью тоже не больно хороша дорога. Но Наталья за много лет все тропочки изучила и как-никак, а до села добирается.

Летом идти в село благодать! Правда, пыли много. Вот и сейчас навстречу Наталье несется «Беларусь» с тележкой, поднимая длинный пыльный хвост. Наталья смотрит, куда ветер относит пыль, и переходит на другую сторону дороги.

За рулем трактора Валерка Мишин. Проезжая мимо, он сигналист: мол, здорово, Наталя! Наталья смеется и машет ему пустой сумкой: «Здорово, Валер!»

Под горой в одном из совхозных брусовых домов живет телятница Анфиса, у которой Наталья покупает молоко.

Дверь Анфисиной квартиры заперта: хозяйка на ферме. Наталья оставляет свой бидончик на крыльце. Придет Анфиса обедать — нальет молока и, если не дождется Натальи, под крыльцо, в тень, бидон поставит, а Наталья его на обратном пути заберет. Они часто так делают. А деньги Наталья как-нибудь вечером принесет — за пять-шесть бидонов сразу.

ТЕПЛА

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

В клубе—кто ревет, кто обнимается. А Егор крутоложский (у него дома шестеро оставалось) заиграл в гармонь—и давай плясать. Пляшет, а у самого слезы текут. Вошел тут Филипп Осипович, председатель чащинского колхоза, закричал: «Убрать пластинку!»—и перестал Егор плясать, сел на пол и заплакал.

Филипп с Егором вместе воевали. Филипп Осипович потом рассказывал, как зимой под Москвой наступали они на одну деревню. Их прямо в лоб направили, а в обход, через лес,—молодых парней, сибиряков.

Егор на службе, что мог, копил: подметки от сапог, сбрую брошенную, сухарей немного. К тому времени у него порядочно всякого добра набралось—полный вещмешок. Отпуск трехдневный ему обещали для поправки хозяйства. Вот он и хотел все домой увезти.

Пошли они на деревню по снежному полю. Немец—из пулеметов. Залегли. Егор кричит: «Филя, меня ранило!» Филипп ему: «Брось мешок! Отползай!»

Егор пополз, а мешок не бросает. «Брось мешок!»—снова закричал Филипп. Жалко, видать, Егору тот мешок было. Думал хоть немного семье помочь. Пополз он дальше, мешок на спине приметно. Тут его и накрыли.

Деревню наши взяли: сибиряки на лыжах ее лесом обошли и с другой стороны ударили. Филиппа тоже в том бою ранило. Долго он лечился, а потом после госпиталя пришел домой. Снайперскую пулю, которую из его тела вынули, он до конца жизни хранил. На полке¹⁰ в жестяной баночке из-под чая она у него лежала.

Недолго после войны пожил Филипп Осипович. Лет десять, не больше. Умер еще молодым, за пятьдесят ему едва перевалило. Но все-таки вернулся домой с войны—разве это не счастье!

А Гриша не пришел. Последнее письмо от него весной сорок второго получили, какой-то товарищ писал. Гриша неграмотный был; хоть и учили его, уже взрослого, но не давалась ему грамота. В том письме такие слова были: «У вас сейчас хорошо. Цветы расцветают. А мы здесь каждую минуту смерть ожидаем...»

Через полчаса Наталья ступает на тротуар главной улицы Зимогорья. Вот и сельский клуб.

В этом клубе в войну мужиков собирали перед тем, как на фронт отправлять. И Гриша отсюда уходил. Осенью его провожали. Как сейчас Наталья этот день помнит.

Почему-то сильнее всего ей запомнился путь до села. Накануне вечером прошел дождь, земля раскисла, сделалась клейкой и вязкой. А к утру подстыло. Комья грязи смерзлись, и телегу, на которой они ехали, на ухабах трясло и подбрасывало.

«Интерес к спорту резко возрастает, когда с ребятами занимаются их кумиры — прославленные спортсмены... Большой популярностью пользуется школа юных тяжелоатлетов Юрика Варданяна».

Из отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XIX съезду комсомола

ОН СОВСЕМ НЕ СТРАШНЫЙ, ЭТОТ «БДН»

ДОБЫВАЯ

Физкульт-ура!

Но на вопрос о планах твердо ответил: «Ухожу на штангу. В «Локомотив». «Почему именно в «Локомотив»? — поинтересовался я у юного чемпиона. «Хочу учиться у варпета», — таков был ответ. «Варпет» по-армянски значит «мастер, человек, до тонкости изучивший свое дело». Именно в «Локомотиве» работает заслуженный тренер СССР Сергей Андрикович Варданян, дядя и воспитатель знаменитого штангиста-средне-

**О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ ЧЕМПИОН?
О НОВЫХ РЕКОРДАХ?
У ЮРИКА ВАРДАНЯНА
ТЕПЕРЬ МНОГО ЗАБОТ:
СВОЯ ШКОЛА,
СВОИ УЧЕНИКИ.**

**СИЛА НИЧТО БЕЗ ЛОВКОСТИ.
РАЗМИНКУ С РЕБЯТАМИ ПРОВОДИТ
МАСТЕР СПОРТА ЮРИЙ ХАЧАТУРИ**

Петр НОВИКОВ,
специальный корреспондент
«Смены».
Фото автора

Здесь, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, давно установилось мнение, что знаменитую поговорку «сила есть — ума не надо» придумали завистливые, недобрые люди. И здешние папы и мамы не видят ничего удивительного в том, что пятилетний сын каждое утро затевает скандал на тему «Не хочу в садик, ведите меня в спортзал».

Если вы усомнитесь в достоверности сказанного, любой ленинканец поведает вам о замечательном земляке, который в двадцать лет стал мастером спорта по штанге, а через четыре года был уже олимпийским чемпионом, победителем четырех мировых, трех европейских и двух всесоюзных первенств. «Еще никто за всю историю существования этого вида спорта не добивался таких успехов», — обязательно заметит собеседник. — как Юрик Варданян».

Так случилось, что гром первых побед Варданяна раздался как раз тогда, когда в ленинканской городской комсомольской организации возникла некоторая напряженность: уровень правонарушений среди несовершеннолетних достиг опасного предела. Ленинкан в масштабах республики вышел в печальные лидеры. Причем, по оценкам специалистов, в основе правонарушений были

именно случаи применения силы: стычки, столкновения, драки.

Но ведь сила не убывает после «единовременного» ее применения. Она неминуемо ищет выхода и дальше. Какого выхода? Сила физическая, как хорошо понимали в горкоме комсомола, обязательно должна быть связана с силой мысли: «Для чего моя физическая мощь, как с ней жить и куда тратить?»

И вот позади десять лет. Десять лет кропотливой, упорной, каждодневной работы комсомольской организации. Работы, направленной на воспитание подростков, на создание для них спортивных секций, площадок, залов. Итог? Количество правонарушений, ежегодно совершаемых в Ленинкане подростками, сократилось в пять раз! Как видно, занятия спортом, и прежде всего самым популярным здесь видом — штангой, выжимают из человека не только семь потов, но и злость, грубость, зависть, гасят возможный накал нездоровых страстей, превращают в широкую ступеньку тот узкий порожек, переступив который подросток может пойти на физический конфликт со сверстником и даже со взрослым.

По данным горкома комсомола, четверть жителей более чем двухсоттысячного города регулярно занимается физкультурой. На девяти городских стадионах, в восьмидесяти девяти спортзалах, на семидесяти пяти игровых площадках, не считая пяти бассейнов, ленинканец, средний возраст которого тридцать два года, может заняться любым из традиционных игровых видов спорта, национальной борьбой кох, еще

двумя-тремя видами борьбы, легкой атлетикой и, конечно, штангой.

Я видел объявление, явно рассчитанное на тех, кто, приобретя силу, не приобрел еще силы воли, способности к регулярным занятиям: «Дом культуры «Строитель». Открытое первенство по штанге. Приглашаются все желающие». За день до соревнований число желающих перевалило за двести человек.

— Но мало этого, — рассказывает секретарь горкома комсомола Ашот Петросян. — Мы и все, кто нам помогает искать новые сферы и способы применения силы молодежи, понимаем, что мало открыть зал, надо еще привлечь туда людей. Что-то нам удалось, что-то еще нет... Не хватает специалистов. Десять тысяч общественных спортивных инструкторов и тренеров, которые постоянно помогают двумстам восьмидесяти штатным преподавателям, не успевают всюду. И теперь по нашей инициативе факультет общественных профессий Ленинканского пединститута будет выпускать и спортивных специалистов...

Количество секций тяжелой атлетики растет, но все равно «на штангу» записаться сейчас в Ленинкане так же трудно, как, скажем, в Москве «на фигурное катание». Город в горах прославился уже и своими юными футболистами — дворовые команды «Ширак» и «Гюмри» трижды привозили золотые медали со всесоюзных финалов «Кожаного мяча» — и юными пловцами.

А все же... Восемилетний Армен Варданян выиграл недавно первенство республики по плаванию среди мальчиков.

**ВОТ БЫ МНЕ ТАКИЕ!..
КАК У ЧЕМПИОНА РЕСПУБЛИКИ
АШОТА АКОНЯНА.**

Оказалось, однако, что юный чемпион по плаванию решил поступить в ученики к самому Юрику. Да, у ленинканских мальчишек существует уникальная возможность учиться не только спортивному мастерству, но и учиться жизни у самих своих кумиров.

Двадцать шесть самых сильных во всех отношениях молодых варпетов благодаря заботам комсомольских и спортивных организаций города имеют школы, куда принимают всех желающих. В народе так и говорят: отдам своего сына в школу Аликяна (борец, чемпион молодежного первенства Европы). Или в школу Манукяна (боксер, чемпион страны). Или в школу Гаянэ Арутюнян (член сборной СССР по ручному мячу)... Вот он, чемпион, рядом. Твой учитель и твой друг.

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА СИЛЫ И СМЕЛОСТИ.

Веками сила воспевалась людьми как благо для борьбы со злом. Вспомним хотя бы легендарных богатырей разных народов. Когда и где они показывают свою силу? Как правило, лишь в двух случаях: когда защищают Родину и когда защищают матерей, сестер, жен, детей. Чем сильнее человек, тем добрее он ко всему, что окружает его. А если он все ж недобр, то, может быть, и сила в нем не настоящая? Дутая, быть может, сила? Похожая на гири, которые клоуны в цирке иногда в шутку бросают в зрителей...

Год назад в Ленинакане два брата, два мастера спорта, два штангиста один за другим окончили школу, поступили в институт, и им пришлось перейти из «Динамо», где тренировались раньше, в студенческое спортивное общество «Буревестник». За советом пришли к отцу. «Сейчас я вам ничего не скажу,— молвил отец.— Не скажу до тех пор, пока не увижу того, кто начал учить вас силе, и того, кто сделает из вас еще более сильных людей». Лишь через день отец подозвал к себе сыновей: «Можете учиться у нового варвета. Я говорил с ним. Это добрый человек».

По данным статистики, население Ленинакана ежегодно увеличивается на четыре с половиной тысячи человек. А число молодых горожан, регулярно занимающихся каким-либо видом спорта, растет за год почти на две тысячи человек. Выходит, каждый второй-третий новорожденный ленинканец обязательно станет сильным, а значит, и добрым человеком! Лишь юных штангистов в городе сейчас около тысячи.

ВНИМАНИЕ! ПЕРВЫЙ ПОДХОД...

Воспитание

Тимур ГАЙДАР,
контр-адмирал, писатель,
редактор газеты «Правда»
по военному отделу,
отвечает на вопросы
корреспондента журнала «Смена»

Владислава ЯНЕЛИСА

— Тимур Аркадьевич, случилось так, что книги вашего отца, Аркадия Петровича Гайдара, а и мой сын недавно читали одновременно. Я перечитывал, готовясь к разговору с вами, сын — впервые. Но оба, как говорится, на одном дыхании. И удивительная вещь — ведь знаешь сюжет, бесконечно знакомы характеры всех гайдаровских героев, а увлекает, волнует так, словно открываешь прекрасную прозу заново. Задумался: отчего это? И понял — помимо остроты сюжетности, творчества Гайдара прекрасно своей мыслью, искренностью, сопричастностью эпохе. И вместе с тем написанное им не ограничено рамками этой эпохи, а определяет основные нравственные ценности человека нынешнего.

— По-моему, так и должно быть. Настоящая литература всегда переживает конкретный исторический период, о котором она повествует. Ее ценность носит вневременной характер, потому что воздействует на читателя силой духа, доброты, истины. Я люблю писателя Аркадия Гайдара именно за это, помню едва ли не наизусть все его книги не только в силу нашей человеческой близости и родства, а и за его отношение к миру, высокое уважение, которое он, как литератор, испытывал даже к самым юным своим героям, за правдивость. И хотя, повторяю, я знаю все вещи Аркадия Гайдара, у меня нет ощущения, что я открыл его для себя полностью. Впрочем, это явление распространенное, порой читаешь хорошо знакомого автора и замечаешь, что он одаривает тебя каким-то новым пониманием проблемы, новой мыслью, новым мироощущением. Ну, а как принял Гайдара ваш сын?

— Сразу сел рисовать штаб Тимура, «бой» его команды с шайкой Квакина, сюжеты из «Чука и Гекла». Это бывает только после очень сильного впечатления от прочитанного. Но думаю, что настоящее открытие Гайдара у него еще впереди. И еще такая характерная деталь. Увидев ваше имя на обложке одной из книг, сын спросил, тот ли это Тимур, про которого писал Аркадий Гайдар. Я пытался объяснить, что вы тоже писатель, как и ваш отец, но образ Тимура собирательный, что Гайдар просто очень хотел, чтобы такой мальчик был... Ничего не вышло. Сын категорично заявил: раз Гайдар писал про Тимура, значит, знал его лично и про его команду тоже все знал. Понял, что разубеждать бесполезно, потому что книга заставила его поверить в реально существовавшего Тимура. Значит, она по-прежнему обладает огромным нравственным потенциалом.

— Знакомая ситуация? Для многих читателей, особенно юных, я до сих пор остаюсь Тимуром, о котором написана повесть. Но если они еще готовы поверить, что я слегка повзрослел с тех пор, то уж никак не соглашаются, что повесть не про меня. Я получаю множество писем, в которых от меня требуют разобраться в каком-то конфликте, возникшем между ребятами, именно с позиций того самого Тимура, то есть сильного, смелого, решительного и доброго юного человека.

— И что же?

— Разбираюсь, отвечаю. Иначе нельзя. Вопросы порой бывают очень серьезные. К примеру, весь класс вдруг ополчился на своего товарища за то, что он недостаточно активно участвует в сборе металлолома. А мальчик занимается музыкой, скрипкой, и родители заставляют его браться пальцы. Этого мальчика пытаются защитить от класса одна девочка. И вот она пишет мне, рассчитывая найти поддержку у Тимура. Как видите, случай непростой, вникать надо основательно. А подобных писем немало.

— Любый писатель вправе гордиться такой прекрасной запиской жизнью своих героев. Помогая ребятам в решении очень важных для них нравственных проблем, вы невольно продолжаете воспитательную работу Арка-

дия Гайдара. Ведь именно в воспитании подрастающего поколения честным, готовым на подвиг во имя Родины видел свою главную задачу писатель. Достаточно вспомнить сказанное им на Первом совещании по детской литературе в 1936 году: «Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом деле они готовили красноезвездную крепкую гвардию...» Это не фраза, это мировоззрение, которое утверждал Гайдар каждой новой своей вещью.

— Все правильно. Но мне думается, что не надо понимать слова Гайдара утилитарно, как это делают некоторые. Хотя он почти всю жизнь был военным человеком (именно был, а не только считал себя таковым) и очень любил армию, говоря о красноезвездной гвардии, он вкладывал в это понятие широкий смысл. Эта «гвардия», по Гайдару, должна прежде всего научиться любить Родину, быть мужественной, доброй, стойкой, дорожить дружбой, стоять за правду. Потому что, если человек вырос таким, он готов выдержать любые испытания, в том числе и военные. Точно чувствуя время, Гайдар своей писательской работой готовил прежде всего граждан советской страны, патриотов. Ибо видел природу героического именно в патриотизме и в доброте. Патриот отдаст себя без остатка любимому делу, будь то стройка, мореплавание, хлебопашество, наука. И будет хорошим, мужественным солдатом.

— Тимур Аркадьевич, вы уже несколько раз в ряду главнейших нравственных критериев произнесли слово «доброта». Какую доброту вы имеете в виду? Доброту вообще, как сумму каких-то духовных качеств?

— Я имею в виду доброту как критерий отношения людей к людям, людей к земле, к Родине. Не добрячество, а доброту, высшее проявление человеческой сущности. Думаю, что по-настоящему добрый человек — это тот, кто не может без сострадания видеть чужую боль, беду, поэтому он и способен на многое. Добрый человек не струсит, потому что доброта делает его ответственным за жизнь товарищей. Добрый человек всей душой болеет за свое дело, ибо видит в нем возможность проявления добра по отношению к другим. Доброта — это готовность заслонить своей грудью от пули друга, разделить с незнакомым человеком последний хлеб, взять на себя самое тяжелое в общей работе. Не случайно большинство подвигов, которыми гордится ныне наш народ, совершалось людьми добрыми. И эта их черта делала их сильными в решающий момент. Таковыми были и герои Гайдара.

— Значит, доброта как сила?

— Да. Сила, рождающая героизм. И природа этой доброты, корни ее — в самой сути нашего социалистического общества, в нашей истории, в правде человеческих отношений.

Но сила силе рознь. Пропандистская машина гитлеровского рейха исповедовала силу как культ. Гитлеровская архитектура была исполнена мощи, фашистская литература предлагала в героях сверхчеловека, наделенного грудной клеткой и мускулатурой исполина. Сам фюрер считал, что материальная сила и героизм — вещи однознечные. Но в том-то и дело, что под силой фашизм подразумевал насилие.

Что представляла из себя «Молодая гвардия» в военном отношении? Почти ничего. У нее были лишь пистолеты да бутылки с зажигательной смесью. Но молодоговладейцы оказались сильнее гитлеровской военной машины с ее танками, пушками, самолетами. Потому что были сильны своей верой, их героизм основывался на гуманизме, на правде. То же и панфиловцы. Зоя Космодемьянская, Виктор Талалихин, тысячи героев — плоть от плоти нашего народа. Их можно было уничтожить физически, но нельзя было победить, потому что они несли в себе огромную духовную силу.

— Мне вспомнилась прекрасная гайдаровская сказка о Мальчише-Кибальчише. Ведь она, написанная в общедоступной для детей, очень по-взрослому затрагивает те же вопросы: борьба добра и зла, самопожертвование, верность Родине и как антипод им — предательство. В этой же связи еще один вопрос. Гайдар писал в дневнике, спрашивая себя, как будет понимать «Военную тайну» сын. «Ведь Алыка — это он сам».

— Вероятно, так же, как и миллионы моих сверстников. То, как выдержало мое поколение выпавшие на его долю испытания, лучше всего доказывает, что мы поняли смысл «Военной тайны» правильно. И те, кто читал Гайдара, и те,

кто не успел. Я горжусь, что мое поколение ответило на этот вопрос участием в вооруженной защите Родины от фашистов, восстановлением разрушенных войной городов, строительством Советских Вооруженных Сил на качественно новом высоком уровне. Да и сейчас еще отвечает. Коротко же говоря, наша «военная тайна», которую не дано разгадать врагу, — в нашем строе, в нашем народе, в нестиваемости нашего духа.

— О влиянии гайдаровской прозы на формирование лучших человеческих качеств в молодых людях уже немало написано и сказано. Многие воспитатели и сегодня считают книги Гайдара своего рода главным калибром в педагогическом арсенале. Помимо духовного заряда, который несла литература Гайдара миллионным ребятам, она породила массовое тимуровское движение среди советской пионерки, практическую пользу которого невозможно переоценить. Но я подумал вот о чем. Ведь вы, Тимур Аркадьевич, были не только одним из первых читателей отца, но и просто родным, бесконечно дорогим для него человеком. Естественная близость к Гайдару, к миру его литературных героев как-то предопределила вашу личную судьбу?

— Наверное. Да и не могло быть иначе. Даже не будь он писателем, а остался просто отцом, таким, каким был, его личностные, человеческие качества, врожденный педагогический талант сделали бы свое дело и в отношении меня и в отношении тех, кто его окружал. Он умел искренне уважать и взрослых и детей, дружить, как равный с равным, был прямым, честным, добрым, справедливым. Обладая неистощимой фантазией и выдумкой. Он мог купить огромную связку воздушных шаров и тут же раздартить их, мог нанять на последние деньги авто и повезти кататься за город своих друзей-мальчишек, мог пригласить и повесить на стену крошечной комнаты, в которой мы тогда жили на Ордынке, огромный портрет Буденного и радоваться этому искренне. При этом Гайдар был человеком очень дисциплинированным во всем, что касалось его работы, его взаимоотношений с людьми, независимо от их положения и возраста.

Но вообще-то я никогда не отделял Гайдара-писателя от Гайдара-отца. Работа и человеческая сущность были слиты в нем органично, потому что он был таким, как он писал, таким, как его герои, их мысли никогда не вступали в противоречия с гайдаровскими. Возьмите взаимоотношения Сергея Ганина и крошечного еще человека, его сына Алыки. Никакого опоздания, искреннее уважение друг к другу, самостоятельность решений, абсолютное доверие. Гайдар не придумывал эти взаимоотношения, они были такими.

Не могу судить о том, как на моем характере сказались педагогические уроки Гайдара. О биографии говорить легче. Я всем сердцем воспринял любовь отца к армии и, сколько себя помню, мечтал о судьбе военного моряка.

— Вам, сыну известного писателя, это было, наверное, несложно. Я имею в виду естественное стремление людей, знавших и уважавших Аркадия Гайдара (а таких в армии было много), помочь его сыну реализовать его мечту.

— Легче? Я бы этого не сказал...

— Но ведь шла война. Армии и флоту нужны были командиры.

— Да. Но не школьники. Когда началась война, мне было четырнадцать.

Летом 1941-го мы расстались с отцом. Добившись наконец разрешения, он уезжал в действующую армию, меня вопреки желанию эвакуировали в пионерский лагерь в Чистополье. Там мы тоже не сидели сложа руки. Но я рвался в Москву, еще не зная, что отца уже нет в живых.

Обменял на базаре шапку на продукты, оставил в лагере записку, объясняющую мое побег, и отправился в Москву на пароходе «Зайцем». Как ни странно, добрался.

Решил до поступления в училище пойти на авиационный завод слесарем. Выпускал завод «ИЛы», на долю не очень квалифицированного молодого народа приходилась клепка швов, зачистка заусениц. Работали в продуваемом насквозь ангаре, рукавицы не признавали, неловко в них было инструмент держать. Но никто из нас, подростков, не жаловался, понимали, не нам одним тяжело. Самой большой радостью для нас была весть, что наши «ИЛы» отличались в боях.

— Тимур Аркадьевич, работая для фронта, вы делали большое и важное дело. Можно было, наверное, оставить осуществление главной мечты на потом.

Татьяна

Размышления о природе героического

— Возможно. Но каждый из нас при определенных обстоятельствах все-таки поступает по-своему. Весной 1942 года мы уже знали о гибели Аркадия Гайдара. Для меня было делом чести как можно быстрее встать в ряды военных защитников Родины, видел в этом, если хотите, кроме прочего, и свой сыновний долг.

Как-то увидел в метро курсанта в морской форме, долго шел за ним молча. Потом остановил, расспросил. Выяснил, что в Москве есть учебный отряд, где выпускают старшин. Обрадовался. При первой же возможности поехал туда. Но в отряд зачислили не моложе семнадцати. Наконец, повезло по-настоящему — обнаружил в Москве военно-морское училище, которое готовило морюдаки для поступления в высшие военно-морские учебные заведения. Так что военную форму я надел в шестнадцать лет.

— И носите ее сегодня... Сорок лет! Заключая судьбу. Ну, а как же случилось, что вы, морской офицер, заболели литературой? Ведь это было так далеко от вашей тогдашней военной профессии подводника.

— Действительно, не мог и вообразить, что буду когда-нибудь писать. Все, что угодно, только не это. Даже, когда впервые выступил в роли автора, не почувствовал искушения. Все мысли были тогда об учебе, о близком распределении.

— А все-таки тот, первый литературный опыт, как это было?

— Учился в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе в Ленинграде. Мы все остро переживали, что не довелось по-настоящему повоювать, и старались загладить свою невольную вину отличной учебой.

Близилась пятая годовщина гибели Аркадия Гайдара, и ко мне обратились из редакции журнала «Костер» с просьбой написать об отце. Я отказался, сказал, что писать не умею. Тогда по поручению журнала ко мне пришел побеседовать редактор. Вскоре он показал готовый текст. Вроде бы то самое, что я рассказывал, а Гайдар получился на себя непохожим. Тогда сел и написал о Гайдаре сам. Это было опубликовано. Вот и все.

— Стало быть, приобщение к литературе не состоялось?

— Тогда нет. Это случилось позже, когда я учился в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. На определенные уроки из моего первого литературного опыта я извлекал. Понял, что писать надо искренне и только о том, что знаешь, чувствуешь, испытываешь.

— Именно поэтому вы, как я слышал, в пятьдесят с лишним лет совершили свой первый прыжок с парашютом?

— Пожалуй, и поэтому тоже. Мне предстояло писать о десантниках, и я считал себя не вправе это делать, пока сам не испытаю того, что испытывают герои будущего очерка... Это главное. Ну и, если нечистота, то было своего рода самоутверждением. Хотел выяснить, на что я еще способен... Не улыбайтесь. Стремление к самоутверждению — не самое плохое качество, если оно не преследует узкоэгоистических целей. Тысячи молодых людей самоутверждаются, работая в труднейших условиях Тюменского Севера, БАМа, другие на утлых плотах проходят через пороги бушующих рек, штурмуют горные пики. Добившись результата, человек с гордостью говорит себе: «Теперь я это могу». Он становится сильнее, закаленнее, решительнее.

— Тимур Аркадьевич, вы говорите о природе героического, моральных, нравственных, социальных факторах, формирующих личность человека. Ваша офицерская молодость прошла в походах, среди подводников, военных моряков. Чему научила вас морская вахта, военный коллектив?

— Серьезный вопрос. Думаю, что прежде всего служба помогла развить чувство ответственности. Ты офицер, тебе вверено оружие, техника, то есть боеспособность корабля. Ты командуешь людьми, то есть отвечаешь за их боевую подготовленность, политическую и моральную зрелость. А это послушнее, чем управление самой хитроумной техникой.

И хотя принял меня коллектив хорошо, по-братски, я чувствовал поначалу некоторую неуверенность, что ли. Помог командир лодки Георгий Константинович Васильев, которому признателен и поныне. Советы этого великодушного знатока морского дела, умного, тактичного наставника помогли мне найти правильный тон взаимоотношений с

подчиненными. Васильев по-человечески напомнил мне отца: прямодушен, искренен, влюблен в военную службу. Впрочем, все хорошие люди, наверно, похожи. Ну, а если говорить по большому счету, то море помогает ценить, беречь и понимать такие истинные человеческие ценности, как товарищество, достоинство, честь. Мир. Да, мир. Как одну из величайших ценностей.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что профессиональные военные ощущают состояние мира острее, чем гражданские люди. Видимо, потому, что стоят ближе к его пограничной черте, осознают его хрупкость. И, как профессионалы, они понимают, насколько сокрушительна накопленная человечеством военная мощь.

— А что вы вкладываете в понятие «профессиональный военный»?

— Профессиональный военный, как и любой другой человек, выбирает себе судьбу добровольно, согласуясь со своей совестью, жизненными принципами. Он знает, что военная служба в большой степени, чем какая-либо другая профессия, потребует от него подчинения приказу и долгу.

Люди, которые всю жизнь носят на плечах погоны, не создают материальных ценностей, но они обязаны в любую минуту суметь их защитить, применить для этого весь возможный арсенал знаний, боевых средств, пронырливое мужество. В этом их участие в созидательном труде. Профессиональный военный — это, на мой взгляд, человек, который на вопрос «Что ты делал всю жизнь?» может ответить себе: «Я всегда был готов с оружием в руках встать на защиту Родины». И это бы означало, что он прожил свою жизнь честно и достойно.

— Та система координат, которой вы измеряете военных, с небольшими поправками применима и к представителям сугубо мирных профессий. Достоинство, гражданское мужество — качества, необходимые людям на любом посту. Иное дело, что фронт реализации мужества у людей гражданских и военных разный. Не так ли?

— Я бы не стал утверждать это столь категорично. Как это ни парадоксально, в бою быть храбрым легче, чем в обыденной жизни. Я имею в виду не сумму риска, а способность людей на действие. В экстремальных обстоятельствах человек мобилизует все свои внутренние ресурсы, концентрирует их в поступках. Сама ситуация диктует ему решение. Любая слабость в данном случае непростительна и слишком очевидна. Труднее быть всегда на высоте положения, когда вокруг не происходит ничего, казалось бы, страшного. К примеру, не побояться встать на собрании и высказать свое мнение, противоположное общепринятому. Или вдруг поверить человеку, от которого отвернулось большинство. Жизнь предлагает нам ежедневно подобного рода испытания. В большом и малом. Надо найти мужество не отступить от каких-то своих принципов, пусть даже это грозит неприятностями, создает определенные неудобства. Потому что тогда ты выиграешь в конечном итоге больше — веру в себя. Если этого не происходит раз, другой, третий, то незаметно для самого себя ты можешь постепенно исчерпать отпущенную тебе меру компромисса и оказаться по ту сторону порядочности. И обратного пути не будет. Вот это страшно.

Я, к примеру, горжусь дружбой со многими людьми, которые в главном никогда не поступались своими принципами и интересами дела, за которое они отвечают. Пусть даже компромисс сулил им личный успех или какое-то подобие выигрыша. Такое глубоко мною уважаемый генерал Владимир Степанович Краев, которого я знаю много лет. Человек глубоко образованный, передовых взглядов, военачальник новой формации, он, когда это необходимо, идет на риск, увлекая за собой подчиненных. Краев терпеть не может двуличия, не боится признаться перед подчиненными свою ошибку, предпочитает правду, какой бы она ни была. Он не будет ретушировать истинное состояние дел во вверенных ему войсках для того, чтобы получить высокую оценку инспектора, выдавать жалаемое за действительное. Потому что видит свое жизненное предназначение в повышении боеспособности войск.

Владимир Степанович Краев и вообще военные люди с его нравственными критериями напоминают мне Чубука. Помните, в «Школе» Аркадия Гайдара, в образе Чубука отец передал черты настоящего советского воина, преданного коммуниста, человека из народа, доброго, честного, исполненного достоинства. Если задуматься, без этих качеств вряд ли может состояться полководец высокого ранга. Ибо мужество и патриотизм Чубука, так же, как патриотизм Краева,

тысяч современных советских солдат, офицеров и генералов, питают одни и те же корни — убежденность в правоте своего дела, глубоко осознанная гражданственность.

— Тимур Аркадьевич, в вашей судьбе счастливо соединяются биография военного и журналиста. Видимо, это сочетание в какой-то мере определило точки ваших профессиональных интересов в жизни. Как правило, они были самыми горячими на планете...

— Если вы имеете в виду Кубу, то да. Мне повезло, одним из первых среди правдолюбцев попал на остров Свободы. 1961 год. На моих глазах рождалась новая, свободная Куба. Я ходил с патрулем милкино по Гаване, записывал рассказы ветеранов Сьерре-Маэстры, ловил рыбу с рыбаками одного из первых государственных кооперативов на острове Пинос.

И был Плая-Хирон. Первая встреча с Фиделем Кастро. Это произошло в одном из штабов революционных войск, разместившихся в конторе сахарного завода. Бой шел совсем близко. И я хотел видеть его своими глазами, видеть, как умеет сражаться, отстаивая свою свободу и независимость, молодая Куба.

В штабе планировалась атака на поселок Плая-Ларга, захваченный контрреволюционерами. Кастро отдал последние распоряжения командирам батальонов и склонился над картой. Я понимал, что отрываться от дела неудобно, но дать разрешение быть корреспонденту советской газеты рядом с атакующими бойцами тогда мог только Фидель Кастро. Я обратился к нему. Фидель ответил не сразу, какое-то время думал, кивнул, пусть едет.

Потом была ночная атака. Рядом со мной сражались и гибли за свою революцию кубинцы. Погиб и курсант Хиль Августо Морера, с которым я успел подружиться накануне боя. В кармане его рубашки нашли неотправленное письмо жене. Он писал в нем: «Знаешь, что такое родина? Родина — это не что иное, как ты, Мари, Элен, Патрисио, я, нам подобные, то есть всякий достойный честный труженик, который не позволит, чтобы здесь, на Кубе, существовали эксплуататоры, бездельники, воры, латифундисты. Это родина. И, чтоб она была такой, нужно ее защищать, хоть и погибнет тот, кому суждено погибнуть... У нас дома на полке есть книга «Ланфиловы». Прочти сначала страницы 33 и 314, а потом и всю книжку...»

Почему эти теперь уже далекие события вспоминаются сейчас в деталях? Наверное, по аналогии с тем, что происходит сегодня: Плая-Хирон, агрессия против Гренады, военные провокации в Никарагуа — звенья одной цепи, один и тот же почерк. Вооруженная попытка реставрации свергнутой революцией независимых режимов. Безразличная, безнадзорная попытка. Люди, взявшие в руки оружие, чтобы отстоять свое человеческое достоинство, свое право распоряжаться своей судьбой, его уже не сломают.

— Да. Тогда Куба. Не так давно Афганистан, верно, Тимур Аркадьевич? Прочел вашу книжку «Под афганским небом». По-доброму позавидовал вашей энергии, неуспокоенности. Ведь опять горячая точка. То, что вы рассказываете в своих афганских записках, по настроению напоминает происходившее двадцать лет назад на Кубе.

— Это естественно. На Кубе шла, а в Афганистане продолжается борьба. В поле зрения журналиста попадают люди, которые принимают активное участие в революционных преобразованиях, находятся на переднем крае этой борьбы. Они сложили между собой, сложили они и с героями Аркадия Гайдара, со всеми преданными своей Родине, мужественными и честными людьми. Счастье жить среди таких людей, работать с ними, быть среди них равным.

Аркадий Гайдар погиб в октябре 1941 года. И ему не довелось увидеть многого. Он не написал книгу, которую начал в партизанском отряде. Не отразил в «Победу», в которую свято верил. Не ощутил он и свою по-настоящему высокую и гордую славу. Не знал Гайдар и того, что Тимур из его книжки так широко шагнет в жизнь и что спустя десятки лет миллионы советских ребят, следуя гайдаровским наказы, будут учиться хранить военную тайну и любить Родину.

Не знал Гайдар о том, как сложится судьба его сына, его «маленького командира», как он называл Тимура. А мы теперь знаем. Это судьба прямая, трудная и счастливая.

Идеалы исторических типов воспитала во мне Сибирь с детства; она же дала мне дух, и силу, и здоровье.

В. И. СУРИКОВ.

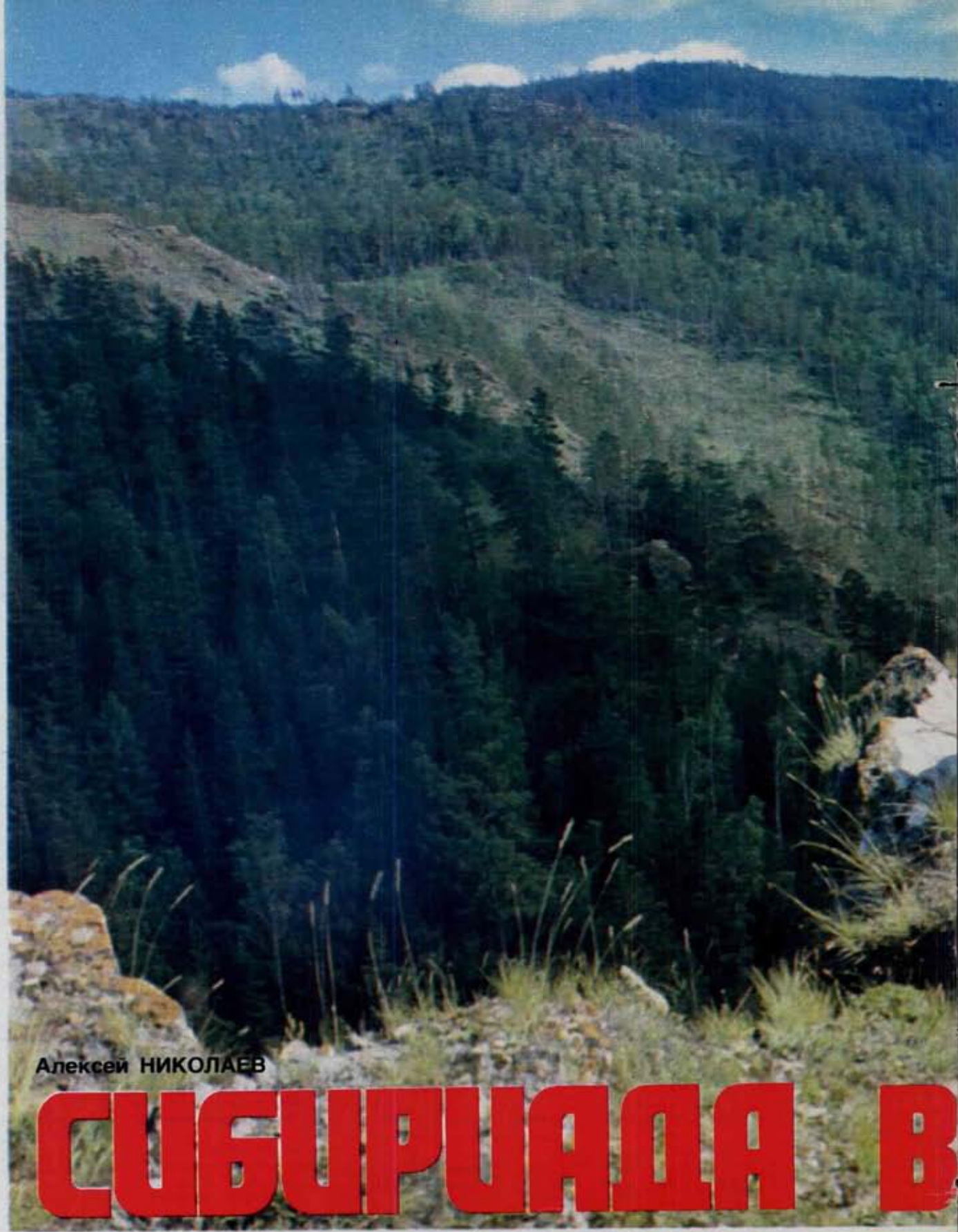
Ах, как ждали они этих писем, мать и брат младший! Из Петербурга, из Москвы, из европейских своих вояжей им двоим и писал только: «Красноярск, в Благовещенской улице собственный дом, Прасковье Федоровне и Александру Ивановичу Суриковым». И всякий раз привычным «Милые мама и Саша!» начиналось письмо. Как праздника ждали почтового дня.

Да и то сказать, хороши были письма Сурикова домой! Румяным сибирским морозцем веяло от крепкого скорого почерка, и были они обстоятельны и бодры, как сам Василий Иванович. Весело перескажет, бывало, новости, на трудности не посетует, а коли умолчать уж о чем нельзя, скрасит домашней шуткой: «Мне хоть че, так не че!» О себе самом — без лишку, больше все о доме спрашивает, как будто дела его главные тут: перекрыли ли крышу, почем нынешний год дрова березовые сажень; справится заботливо, тепло ли мамаша одета, помянет, что послал Саше новые сапоги. Тоска по дому тоже у него веселая выходит: прислать просит с okazji туруханской селедочки, лепешечек с черникой да особливо — сушеной черемухи. И просьбу свою обскажет этак ловко, не дай бог подумают, зато-сковал: «Здесь все есть: и виноград, и апельсины, и сливы, и груши, а ее, родимой, нет!» Походя скажет тут же, что кончает «большую картину из стрельцкого бунта», прибавит мимоходом: «Теперь покуда посылаю вам немного деньжонок к празднику». Только праздник-то главный будет матери и брату потом, и потому к концу прибережет: «Я, по всем вероятиям, буду это лето у вас, мои милые»... И уж как ждали они своего Васю — в первые лета одного, потом — с женою и с дочками!

Так и велось двадцать лет: через всю Россию бежали к родному порогу суриковские письма, и праздником был всякий приезд — с того дня, когда выпорхнул он из теплого родительского гнезда — 11 декабря 1868 года.

Стояла тогда над Сибирью морозная ночь, для всех Суриковых памятная. Прежде своего часу заголосил в сарае петух; потревоженные, всхрапнули рыжий и соловый; загремел цепью, залаял спросонок пес в будке; стукнуло железное кольцо о мерзлую тесину ворот, и от торопливых шагов захрустел сухой снег под сосновыми плахами мощного двора. Суриковский дом проснулся затемно, чтобы поспеть собрать Васю хорошенько, а ехать уже по светлomu: пошаливали на дорогах лихие люди. Да страшной разбойников, потому как неведомый, был Прасковье Федоровне мир за красноярским окоем. Со слезами благословляла она старшенького.

Саннный поезд в два возка — один четверной, другой тройкой — стоял у ворот. Ямщики торопили. Скрипя валенками, выхаживали вокруг возков, поправляли толстые кошмы; как дрова в поленице, уложены под ними мороженые осетры, а под мохнатыми дохами оставалось еще места трем седамкам. Треть-

Алексей НИКОЛАЕВ

СИБИРЬ И АДА В

Экспонат
Музея Сурикова

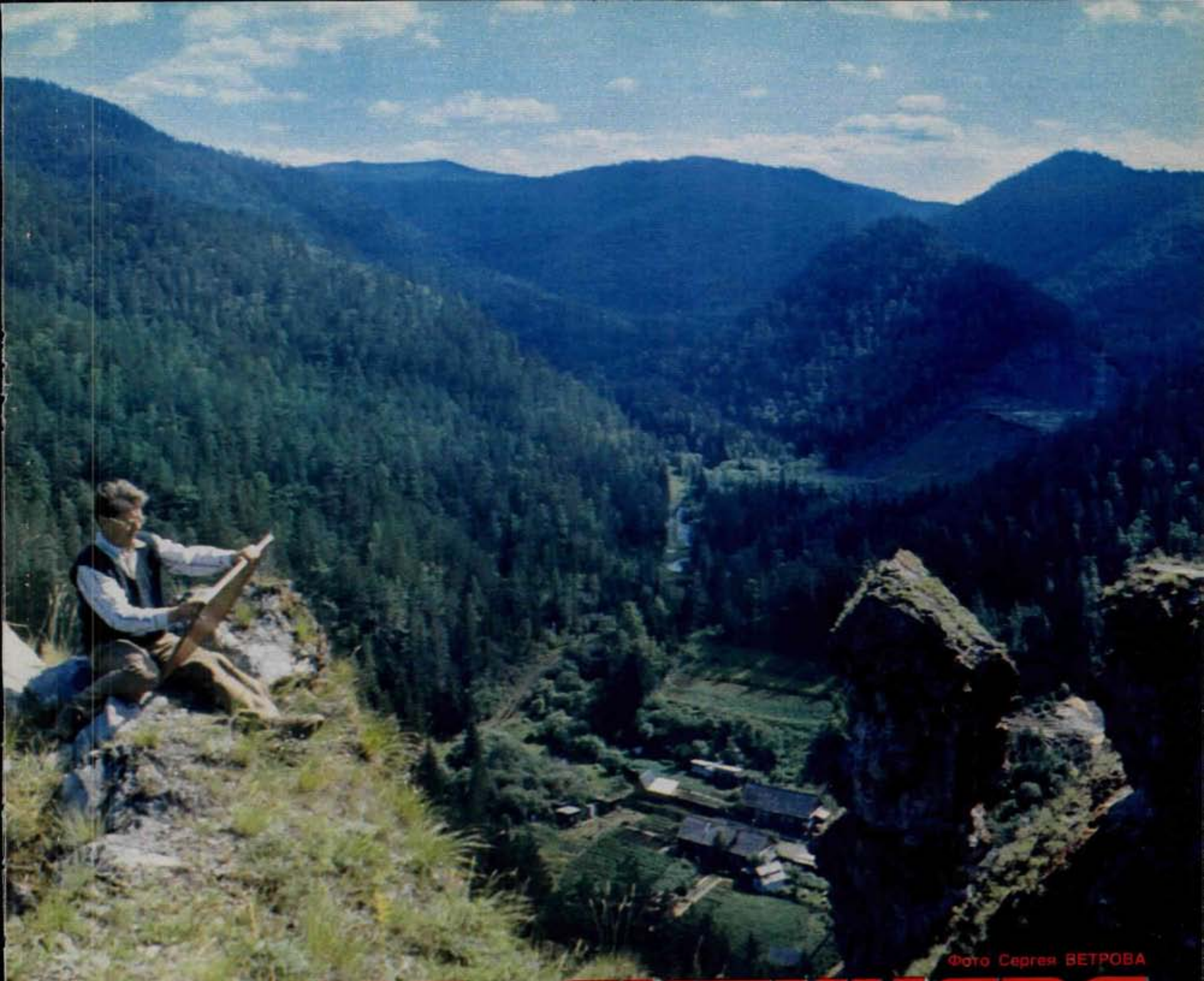

Фото Сергея ВЕТРОВА

АСИЛИЯ СУРИКОВА

им полутчиком ехал красноярского губернского правления писец Василий Суриков. Ехал он в Петербург, в Академию художеств.

Процаясь, крепился из последних сил, благо темно было, но не выдержал — «как зверь завопил напоследок: «Ма-амынька!» Дом оставлял он с памятью неизбывной не по одним только родственным узам, хотя и не ведал, отправляясь в путь, что был тут корень всей будущей его живописи — история.

Не по книгам, не в музеях постигал ее Суриков — с первых памятных впечатлений глядела она в окошки красноярского дома, который сам живой был историей — «собоями и рыбой строился»: дед, туруханский сотник, ясак еще собирал. На те деньги и ставили суриковский дом. Да дом-то этот был уже порослью новой, корень глубже уходил.

В ЭТОМ ДОМЕ ЖИВОПИСЦЕМ НАПИСАНА ОДНА КАРТИНА, НО ИСТОКИ ВСЕХ ДРУГИХ — ЗДЕСЬ.

В ОКРЕСТНОСТЯХ КРАСНОЯРСКА — ИСТИННОЕ РАЗДОЛЬЕ ХУДОЖНИКАМ.

И В НАШИ ДНИ СОТРУДНИКАМ ДОМА-МУЗЕЯ В. И. СУРИКОВА ПРЕДСТОЯТ, БЫТЬ МОЖЕТ, ОТКРЫТИЯ УДИВИТЕЛЬНЫЕ.

По чуланам и кладовым, с хомутами новыми развешены были на дубовых колках сабли, ятаганы, мушкетоны, пороховницы времен прадедовых. А в сундуках, кованых, старинных, не казну, не уральские самоцветы и не жемчуг енисейский берегли — жила тут память рода Суриковых, тех, что вокруг Ермака ватажились, водой да звериным лазом пробивались на восток, бунтовали, с воеводами схватывались и хранили пуце ока границы ширившегося государства. Из тех сундуков каждую весну вытаскивала мать островерхие бараньи шапки, кивера с помпонами, суконные синие мундиры с красным подбо-

ем — все это до маленькой складочки, до тусклой оловянной пуговицы крепко вросло в хваткую ребячью память.

Но стародавнее в доме Суриковых в просторные сундуки не упрячешь, и не прятала. Жизнь по старинному обыкновению — точно задержалась она в семнадцатом где-то веке — шла тут изо дня в день. Как и в те времена, дядья суриковские — мужики все костистые, чернородые, с жилистыми, крепкими шеями, с лицами цвета коры сосновой и быстрым взором чуть раскосых глаз — выходили вечером на мощный двор в халатах китайских либо в казачьих мундирах, поверх белых рубах накиннутых, «гулять». Запевали, вытягивали стройно «Не белы снеги выпадали», вторя Степану Федоровичу, тому, что спустя годы, закованный в колодки, сядет в «Стрельцах» поперек телеги с зажатой в заскорузлых пальцах оплывающей свечой...

Такая же вот салыная свеча теплится в суриковском доме всякий день к ночи, отбрасывает на белые стены огромную тень тетки Ольги Матвеевны. Окая и крестьясь двоеперстно, рассказывает она про неистовую боярыню Федосью Прокопьевну, которая врагами себе царя с патриархом взять не убоилась. И в память, в память на всю жизнь врастают паразитические по силе слова «персты рук тонкостны, а очи молниеносны». В чистом, в значительном смысле — очи, молнии носящие, — и останется образ этот в Сурикове до поры. Обернется все в Москве, в семнадцатом столетии, но и тогда увидит он ее на тесной красноярской улице, морозным утром, в скрипящих по снегу санях, среди толпы — равнодушной, хохочущей, плачущей...

Историю писать станет он с природы. Необычайную эту возможность, ни одному другому художнику не дарованную, даст ему родина. Хоть и перевалил девятнадцатый век за вторую уже половину, но здесь, за стенами суриковского дома, времена стоят старопрежние, и предстают они далеко не в идиллическом свете воспоминаний. Жесткие кулачные бои на Енисее зимой кончались не одною кровавой ушкой, хотя и не самым страшным пережитком средневековья была эта потеха. Выгляни в окошко училища на городскую площадь, увидишь: зарождающая ее, высится черный эшафот. Старина эта не стоит праздно — в иной день видит Суриков, как раскаживает над толпою, плетью посвистывает палач в красной рубахе, в черных плисовых портах. Сашка или Мишка — который сегодня? Буднично и не в диковинку такое — плетями наказывают за малую провинность. Видеть случается и смертную казнь.

С ужасом, но запоминая глазом малейшую подробность — цвет, движение, позу, — глядел он на трех мужиков в белых рубахах, которых везли в телеге, а обок, голоса и причитая по-бабы, шли матери и жены — как потом в «Стрельцах». И мальчишки на заборе — тоже отсюда. Врезалось в память: барабанная дробь, отлетевший синий дымок над воронеными стволами ружей и расплывшиеся красные пятна на белых рубахах...

Но остановим тут поток воспоминаний, чтобы отметить одну особенность будущего великого художника, быть может, от других его отличающую. В память — то это врезалось, потому что и под конец жизни вспомнит он все это в подробностях, но нигде в исторических своих трагедиях не изобразит Суриков крови, а самой казни предел положит перед смертным концом — как будто меньше скажет, чем знает, за холстом, в душе оставит, — оттого, должно быть, и обретут суриковские картины такую впечатляющую силу...

А впечатления детства были жестоки и нелегко давались неокрепшей душе — своя ли, чужая трагедия. Убитым увидит Суриков друга своего Митю Бурдина: лежал он на розовевшем от зари снегу, и черным силуэтом рисовалось красивое мускулистое тело. Потрясет юношу эта смерть, до глубины души потрясет, но, видимо, тогда уже жил в

нем художник, потому что все заслонила мысль: «Вот так же, наверное, лежал царевич Дмитрий, убитый в Угличе!..» А когда самого в юные годы миновала счастливым случаем беда последняя, лютый страх не мог все же осилить в нем художника: спасаясь от разъяренных кузнецов, нырнул в калитку чужого двора, слышал шум пронесшейся погоны, стук собственного сердца, а подумал о том, что так, должно быть, прятался от убийц боярин Артамон Матвеев в царской опочивальне в день стрелецкого мятежа... Чувствовал — да нет, ощущал! — Суриков историю, как собственную свою жизнь, хотя до будущих картин долг был еще путь.

Начало ему терлось в младенческих годах, когда рисовал на чем придется лошадок с негнущимися ногами, гравюру Петра раскрашивал — мундир синькой, отвороты брусничкой, яйца пасхальные расписывал по три рубля сотню. Потом дома с природы рисовать пытался, но оттого ли, что сам ростоком еще не вышел, а скорее потому, что в низеньких комнатах фигуры и предметы большими казались, норовил либо горизонт опустить, либо фон поменьше сделать... Выходило ли что — не знал: без опытного глаза блуждал в потемках. И бог весть, как обернулась бы судьба в глухой провинции (ни картин, ни художников в Красноярске не было), не окажись учителем рисования в уездном училище Николай Васильевич Гребнев.

Достало ему чуткости, чтобы в первых пробах распознать начало обещающее. Ученика стал брать Гребнев в товарищи, когда отправлялся сам на этюды. Подымались вместе на Караульную гору, на Енисейские края, уходили на лошадах далеко в тайгу и бок о бок, с учителем ученик, рисовали, писали акварелью. В будущем Сурикова Гребнев не сомневался. Самому же Васе думать о художестве всерьез было не по карману.

Со смертью отца трехрублевая пенсия матери выходила семье тесновата; половину дома — второй этаж — внаем сдавали и все равно концы с концами едва сводили. Так что из училища в канцелярию писцом, да и то за отличный аттестат — одна дорога и оставалась. И трудно сказать, как обернулось бы дальше, когда бы опять не случай, вмешавшийся, по счастью, в судьбы людей, путь которых от рождения не розами устан.

Озорства ли ради, или чтобы канцелярскую скуку развеять, на деловой бумаге нарисовал Суриков муху. Стол — начальник и в игровом, видно, был настроении и с другими бумагами в папку «к докладу» положил и эту, а там — на стол губернатору. Тот доклад выслушал, увидал муху, похода смахнул — не улетела, тряхнул бумагу — сидит...

— Кто рисовал?
— Писец Суриков, ваше превосходительство.
— Позвать.
— Являться — невелик ростом, над губой темный пушок пробивается, глядит прямо: будь что будет.
— Ты рисовал?
— Я.
— Другие рисунки есть?
— Как не быть...
— Завтра принеси...

Назавтра пригласил губернатор канцелярского писца учителем рисования к дочери. Рисунки же приказал упаковать и с оказией в Петербург выслать, князю Гагарину в Академию художеств. Туда да назад дорога долгая, но несколько месяцев спустя подоспел ответ: к экзамену допустить позволено; дорога и содержание на свой счет — должною суммой казна не располагает.

Казне губернской подобные траты не предписаны тем более. Но дело начато, и не губернатору отступаться. Собрал он за обедом пароходных хозяев, купцов, промышленников красноярских, чтобы между белугою и осетром, дело обсудив, наскрести по подписке нужную сумму. Из Красноярска — не из Рязани ехать, а там еще пять лет содержания в столице: дело трудное — смекать надо.

Михаил ВЛАДИМОВ

Трава

По ней проходят
Шквал и снег,
Пожар и суховей.
И мнет ее железный век
Всей тяжестью своей.
Она сдается? Черта с два!
Опять взойдет — и в рост!
Война, огонь — ей трын-трава,
Ей только б капли рос,
Ей только б дождика чуть-чуть
Да солнышка пучок, —
А там уже ни ветер в грудь,
Ни лютой град не в счет!
Все дышит,
Кормится, живет
Там, где растет трава.

А ведь не просто так берет
Она на жизнь права.
Ростоком слабым
В камень бьет —
Как бивнем и клыком.
И переходит реки вброд,
А крепости — прыжком.
Грызет асфальт, дробит гранит,
Съедает сталь и медь...
«Подвиньтесь!» —
Льдинам говорит,
И ей отказа нет.
Токуют в ней тетерева,
Звенит над ней листва...
Растаял лед. Зола мертва —
Трава всегда права!

Рисунок Олега ГАЛИНА

Где толстосумы, там тугодумы — одного поля ягода, и неизвестно, как и скоро ли б смекнули, но случился за губернаторским столом Петр Иванович Кузнецов, золотопромышленник. Рангом других не выше, брал он культурой и образованьем, а чутье подсказало, что ставка-то беспроигрышна. Все расходы взял Кузнецов на свой счет.

О том, что не ошибся меценат, мы знаем. Знаем также, что одну из первых картин, еще в академии написанных, подарил Суриков благодетелю. По случайности ли называлась она «Милосердный самаритянин» или была в подарке ирония — не станем гадать. Важно, что началась — пусть с помощью Кузнецова — новая в жизни Василия Сурикова страница, и 11 декабря 1868 года красноярское губернское правление не считалось одного писца. А спустя два месяца в гостинице на углу Невского явился молодой крепкий, кудрявый, темноволосый, с сибирским румянцем на простонародном скуластом лице. Здоровье, свежесть, сила, до поры скрытая, непривычны казались в серокаменной столице, как и синий его казакин, бархатные шаровары, рубашка шелковая с пояском, как непривычна показается потом и живопись.

Но это будет потом. А пока в штыхи приняла чопорная академия невиданного в ее стенах пришельца. Инспектор Шренцер, перелистав папку, выкатил остзейские глаза: «Да за такие рисунки вам даже мимо академии надо запретить ходить!» Но, видно, не нагнал страху, не напугал насмерть немец — на экзамен Суриков пришел и, как все, рисовал гипс. Приговор академика Бруни должен был, кажется, поставить последнюю точку — негоден. Тут бы другому собрать поклажу — и в возок; но крепкий сибирский был орешек, и не красного словца ради говаривал Суриков: «Краснояры сердцем яры». Ему и слово:

«Помню, вышел я. Хороший весенний день был. На душе было радостно. Рисунок свой я разорвал и по Неве пустил. Поступил я тогда в школу Поощрения и три месяца гипсы рисовал. И научился во всевозможных ракурсах:

нарочно самые трудные выбирал. За эти три месяца я три года курса прошел и осенью прямо в головной класс экзамены выдержал».

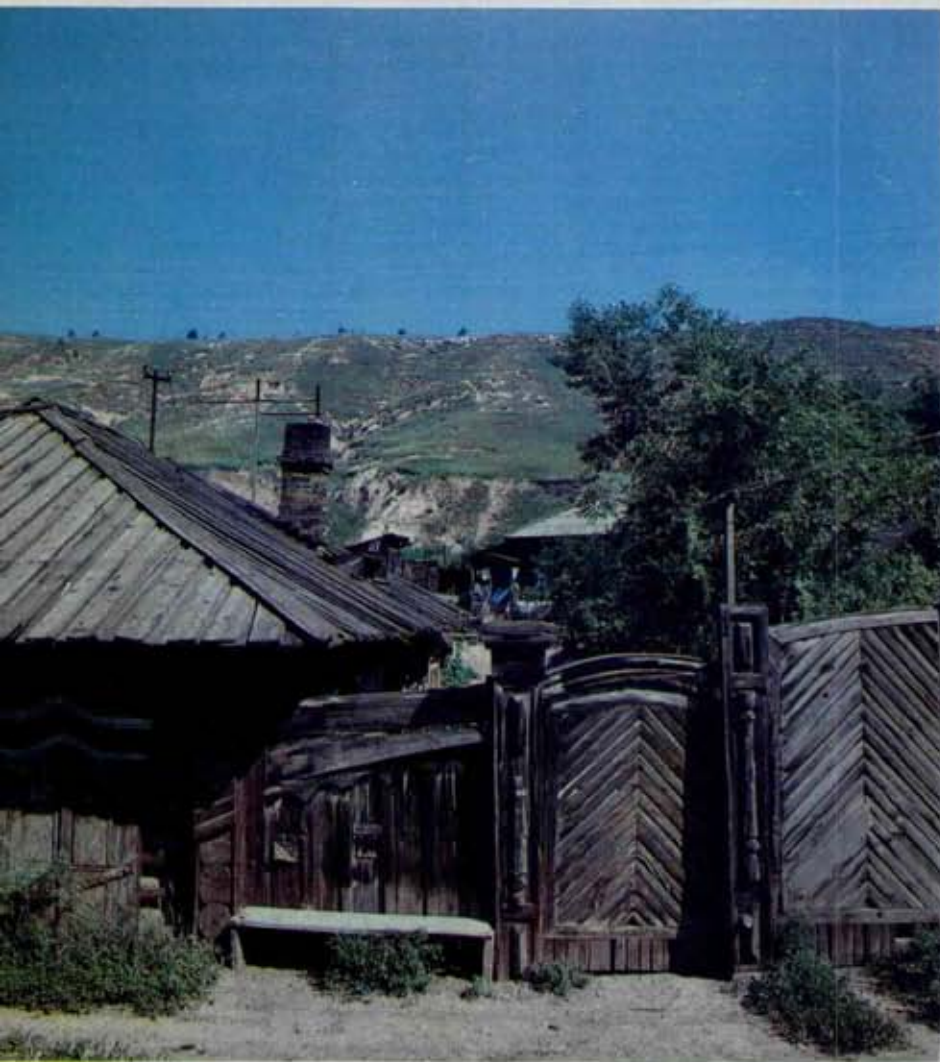
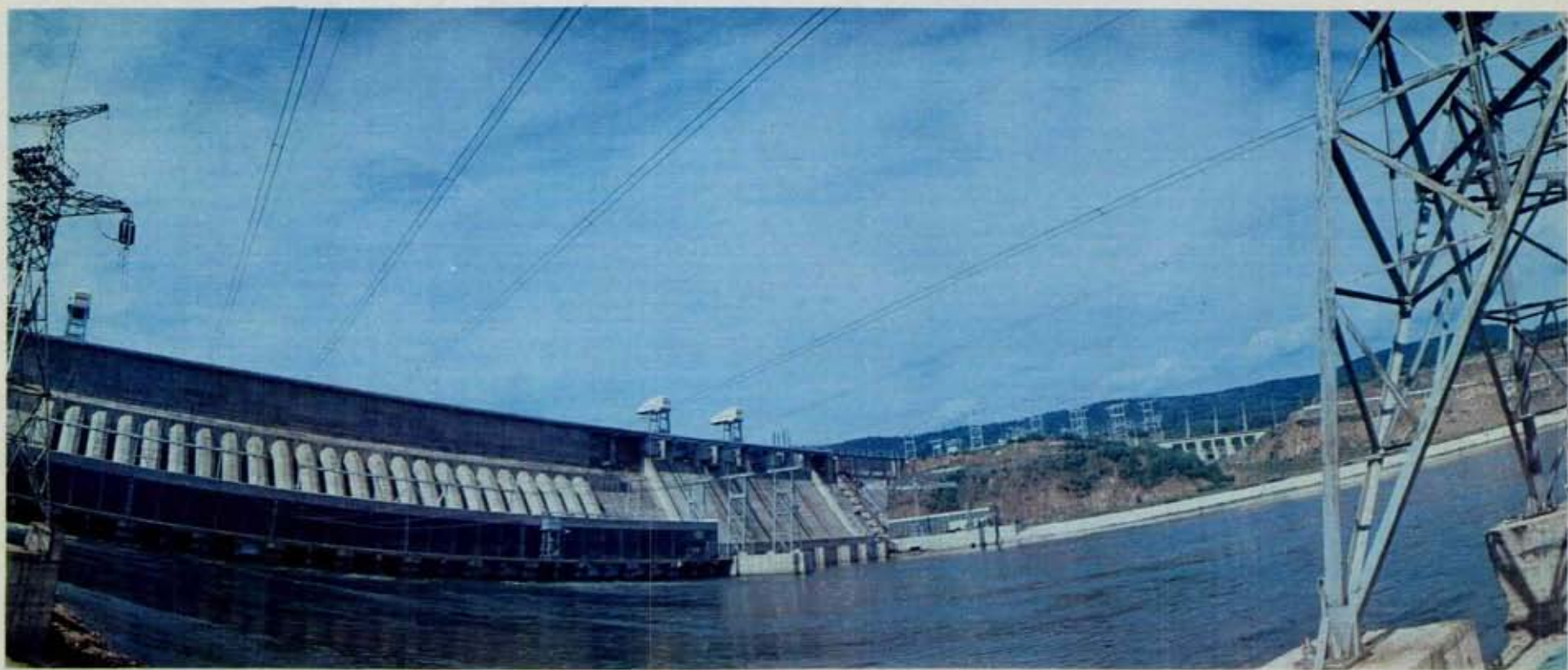
Волей-неволей покорилась академия — как Сибирь Ермаку. И так покорилась, что по выходе одним из первых должен был ехать Суриков за границу на казенный счет. Да вот случилось, проворовался казначей, прикарманил казенные денежки. В Сибирь-то он угодил, а поездку в Европу отменить пришлось: не на что. «И слава богу! Ведь какая у меня мысль была: Клеопатру Египетскую написать. Ведь что бы со мной было!»

Представить и в самом деле трудно. Да и нужно ли, когда так, а не иначе обернулось — не Европа, сибирские соки питали художника от юности — и буйный рост его и матерую силу. Пласты русской истории, как плугом, выворачивала суриковская кисть, но казалось при этом, что двери в наше прошлое, хоть и прямо с Сибирью не связанное, отворял он сибирским ключом. Да так оно и было.

По дороге из Сибири задумал Суриков первую свою большую картину: на московской Красной площади ожило вдруг, заговорило, завязалось в тугой узел виденное в детстве. Кандалы, колодки, эшафот красноярский, телеги с приговоренными, голосившие бабы-сарафаницы, чернородые мужики, смертные свечи в заскорузлых руках, белые рубахи и пламя, трепещущее в тревожном свете страшного утра, — все обернулось вдруг живою картиною трагического исхода русского семнадцатого столетия...

«Стрельцов» выставил Суриков 1 марта 1881 года — в тот самый день, когда угодила бомба в царя. Случайное, конечно, историческое совпадение, но не случайным было впечатление разорвавшейся бомбы, которое произвела картина, ошеломившая, по словам современников, русский художественный мир. «Меншикову», потом «Морозовой» уготована была та же великая участь. Художники развлекли руками, ахала публика, не жалели газетчики превосходных эпитетов. Восторга не скрывая и

роду, понимающим, что не словами сочувствия, не забвением прошлого (память не перечеркнешь) исцелить можно человека, но возрождением в его душе того главного, чему она отдана и предназначена. Потому и вышло так, что новая картина Сурикова не художником задумана была, но на этот раз братом его, Александром Ивановичем. Именно он припомнил старинную, с Ермаковых времен, народную сибирскую потеху — взятие городка. Казалось бы, что связывать могло бытовой сюжет с великими темами узловых трагедий русской истории, создавших художника? Но в этой теме, неосознанно, быть может, почувствовал Александр Иванович ту исцеляющую бодрость и силу духа, ко-

**УГОЛОК СТАРОГО КРАСНОЯРСКА.
СВОЕОБЫЧНЫЙ СИБИРСКИЙ БЫТ
ПИТАЛ ФАНТАЗИЮ ХУДОЖНИКА.**

«ВЗЯТИЕ СНЕЖНОГО ГОРОДКА».

торые одни и нужны были теперь брату. Тогда и заметил Александр Иванович, как впервые в потухших, казалось, глазах, под старым будто пеплом живые загорелись огоньки. Возможно, было это в тот самый момент, когда памятью увидел Суриков один день из детства: дед Александр Степанович возил его на масленицу в село Торгошино. Стояла там крепость снежная, с башенками, с пушками, с фигурками невиданных зве-

**КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС.
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ—
ХАРАКТЕРНАЯ ПРИМЕТА
СИБИРСКОГО КРАЯ
НАШИХ ДНЕЙ.**

рей на стенах. Все это блестело, сверкало на солнце в окружении пестрой, в праздничное разодетой толпы — румяные девичьи лица, белозубые улыбки казаков в лихо заломленных островерхих шапках. Увидел Василий Иванович и косящего глазом разгоряченного вороного, который во весь опор лоснящейся мускулистой грудью шел на крепость... Из прошлой этой картины повеяло вдруг таким здоровьем, что быллой неукротимый дух, позабытым казавшийся навсегда, шевельнулся в нем призывно и властно...

День ото дня светлел лицом, распрямялся Василий Иванович, даже голос окреп. Все чаще поглядывал на пустой мольберт, задвинутый в угол. Потом альбомчик старый раскрыл, набрасывать стал эскизы по памяти. Но память памятью, а натура, без которой не мыслит Суриков живописи, ждала своего часу, просилась на подрамники, как оказалось, натянутые уже Александром Ивановичем. Ходить за натурой далеко не нужно: отвори тесовые ворота, вы-

гляни на улицу — вот она, так и просится в картину.

В картине, какую видел уже, не обойти Екатерины Рачковской, первой красноярской красавицы. Под соболиными бровями глаза с косинкой так и полыхают веселым огнем, румянец морозный горит на чистом смуглом лице, а в алом овале жемчугом светится ослепительная улыбка. Платок расписной, золотистый, искрящийся мех накидки, муфта пушистая скунсовая — красоте этой неписаной только рама. Посади такую в старинную сибирскую кошеву, тюменскими коврами убранныю, — глаз не отведешь.

А разве не просится на холст сосед суриковский, печник Дмитрий! Как заиграет на солнце рыжий его полушубок, осыпанная снегом мохнатая шапка, какие блики дадут на снегу синие плисовые шаровары! А лицо — краснокирпичное на морозе, в усах светлой охры с золотистой выжиткой, костью прищур глаз — так и светится озорством и казацкой удалью. Да и Саше — надеть только на него бобровую шапку, принарядить в старинное, из мамашиних сундуков, — первостатейное место будет в картине!..

Сам-то Александр Иванович, как будто знает все наперед, говорил уже за три ведра водки соседних казаков по-

ставить снежный городок во дворе дома. Крепкий поставили, замысловатый дворец по всем правилам, с аркой посредине; на ночь из лейки полили, и утром сверкал он на солнце ослепительно. И вот ведет уже Дмитрий под уздцы гнедого, сильного и норовистого жеребца и, подождя, когда приготовит Василий Иванович бумагу и акварель, верхами станет гонять его вокруг крепости — примериваться. Потом осадит в углу двора, прищипорит, на дыбы подымет, и понесет бешеным галопом гнедой — прямо грудью на снежную стену...

День за днем, в каком-то неведомом еще упоении пишет Суриков этюды. Сочные, яркие, шеренгой выстраиваются они вдоль беленых стен, наполняя дом молодой буйной жизнью, и кажется, слышны уже звонкие на морозе голоса лихого сибирского праздника. Суриков пишет еще этюды, а брат ладит подрамник, натягивает холст.

И вот пришел день, когда на середину просторной самой комнаты выкатили мольберт, и стал на нем большой — два аршина на четыре — белый загрунтованный холст. И вот уже пошел, пошел по снежной белизне уголек, зажатый в небольшой и крепкой руке, выстраивая композицию, сразу завязавшуюся.

Никогда еще так легко не работал Суриков, картина будто пелась под ки-

**В ДОМЕ-МУЗЕЕ БЕРЕЖНО
ХРАНЯТСЯ ВЕЩИ,
ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ
ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ.**

стью. А из рабочей комнаты слышали домашние прежний крепкий басок, сыпавший забытыми, казалось, присказками: «Будто ало-голубо, будто розово тако!» На душе было просторно, радостно, и чувство это само собой переливалось в картину. Да такой и не писал он никогда!.. Высвеченный зимним сибирским солнцем колорит был особенно крепок. Один цвет звал за собой другой, как рифмы, и все это сливалось в мощный хоровод красок, который, не нарушая целого, в каждом кусочке картины жил своею собственной жизнью; потому даже снег выступал полноценным ее персонажем. Выразительно красивый, но тревожно-остро искривленный в «Морозовой», был он здесь тепел и мягок, переливаясь таким весельем бликов, которого не знала до той поры наша живопись.

«Взятие снежного городка» поставит Суриков на XIX Передвижную в марте 1891 года, и — по странной ли случайности? — соседствовать будет она с замечательными, но мрачного настроения полотнами. Видно, невеселые в столицах стояли времена: барыню, умирающую в чачотке, выставит Ярошенко, Ге покажет своего «Иуду». Шишкин — сосну одинокую на диком берегу... И самоцветом сибирским сиять будет среди них «Городок», звонкою силой властно побеждая унылый мрак времени. Но не контраст этот поразит более всего публику, ибо, помимо неоспоримых живописных достоинств, кроме исходящего от нее могучего духа веселой народной стихии, станет картина и чудом возрождения художника.

А через всю Россию бегут уже суриковские письма домой, «милым маме и Саше», и собирается Василий Иванович в дорогу, чтобы на родине поискать следов Ермака...

У кинотеатра Юрий Качалин стоял, прислонясь к стене: его сильно шатало. Все вокруг было каким-то мягким, ватным, перед глазами текли лица людей. Потом из толпы вынырнула Валька, показала билеты. Качалин глянул на нее, не узнавая. Кто она такая? Да не все ли равно, кто. Неделю назад познакомился случайно. В кино идти было еще рано — билеты на самый поздний сеанс.

Качалин побрел безвольно по улице: томилась, наваливалась зверем всегдашняя скука. А потом уж и помнил слабо, что было. Бутылка красного вина, раздобытая на колхозном рынке. Какие-то парни в сквере, Валькины знакомые, которым пожимал руки. Стакана не было, и вино пили из горлышка. Потом в глазах затуманилось, возникло чье-то широкое и старое лицо. Человек брел с вокзала на

быть, не намеревался и бить человека, но «уж так», подвернулось чье-то лицо под руку. Возможно, что желание избить и ограбить человека вообще не было осознанным в ту минуту желанием. Возможно, оно могло и вовсе не возникнуть в нем. Но...

— За что я ударил? — удивленно переспросил он меня. — Не знаю. Я не знаю, почему я ударил. Подзююкнул сзади кто-то: «Вмажь ему». Ну, я и вмазал. Я не знаю...

Он был искренним. Он действительно не знал. И это, мне кажется, самое страшное в описываемой истории.

А вот другое похожее уголовное дело. Вся разница только в том, что в данном случае ответственность будет нести пятеро подростков.

Следователь районной прокуратуры сказал о них с иронией:

— Симпатичные парни.

Парни как парни. Но только и у них сначала было ухарство на темных улицах (еще бы — не один, и даже не двое, не трое... есть перед кем «повыделы-

с миром будут вполне ясными и четкими. Независимо ни от погоды в мире, ни от микроклимата, царящего в тех или иных общностях, где я живу. Ведь, помимо волн, набегающих на остров, есть и сам остров, есть некая константа, именуемая душой человека, его внутренним «я». Это маленькое внутреннее «я» не такая уж незаметная величина. Напротив, она способна создать равновесие сил и даже стать величиной, в какой-то мере определяющей погоду в мире.

Если же во мне нет этой константы, если моя душа мягка и текуча, как воск, из которого можно лепить что угодно, если мое половинчатое внутреннее «я» на распутье, как бы в некотором оцепенении, и ждет только толчка извне, если я только слепок с матрицы и для меня дороги только моя телесность, мое чисто физическое существование, то я подданный многих мнений, образов жизни, отношений к миру.

Я готов откликнуться и откликаюсь на все что угодно.

Я могу примкнуть к добру, но равно и ко злу. Ибо для меня нет особой разницы между этими понятиями.

Хорошо работают рядом, и я, примыкающий, буду работать.

Пьют рядом водку, и я буду хлестать ее.

Нужно кровь свою отдать? Отдам!

Нужно чужую кровь пролить? Пролью!

Ибо я — примыкающий!

Говорите, личность стирается, уничтожается, растворяется? А мне и не нужно никакой «вашей личности», мне нужно только, чтобы я жил, а с

НАЧИНАЕМ ДИСКУССИЮ

КАК ЖИТЬ?

СОГЛАСНО ИЛИ СОГ

базар, а может, и наоборот, не все ли равно. Качалин попросил:

— Дай закурить, старый.

Увидел мокрые пальцы, копошащиеся в пачке. Терпеливо ждал. Вдруг кто-то из парней, стоявших сзади, бросил:

— Да врежь ты этому охламону. Копаются, морда!

И он врезал. Со всей силой. Тяжелым кулаком по лицу. Увидел, как Валька расстегивала ремешочек часов, что желтели на руке у старика. Кто-то засмеялся:

— Пьяная же, дура, потеряешь.

Отобрал часы, сунул себе в карман. Протрезвение наступило, когда показался милиционерский «уазик». В эту минуту ясности он украдкой швырнул часы на дорогу. Потом была обыкновенная комната с канцелярским столом. Резал глаза свет. Дрожало в пальцах перо. И приходил страх.

Через три дня познакомился с человеком, которого он ударил и ограбил, плотник из ремкооператива, и он, Юрий Качалин, встретился снова — на очной ставке в кабинете следователя.

Знакомлюсь с протоколом допроса. Стереотипный бесстрастный вопрос следователя:

— Скажите, Качалин, как долго вы знаете сидящего напротив вас человека, имеете ли к нему личные счеты и что произошло между вами?

— Я его первый раз увидел в тот день. Прежде не знал. Личных счетов не имею никаких.

Следователь, человек с симпатичным молодым лицом, прежде мне незнакомый, пояснил:

— Дело, знаете ли, заурядное, банальное.

Да, банальной некуда. Для следователя оно, вероятно, не представляет особого профессионального интереса. Меня же в этой «банальной» истории интересует другая сюжет — нравственный. И вот я в одном из кабинетов следственного изолятора. Стол, два стула, деревянная скамья со спинкой. Напротив меня сидит бритый наголо парень с большими руками. Кстати, внешне довольно симпатичный парень.

Качалин рассказывал о себе и о том, что случилось. Рассказывал с полным доверием ко мне — многословно, открыто, вспоминая какие-то порой совершенно второстепенные подробности своей жизни.

Обычной вроде бы жизни. Но мне любопытна была в этой жизни не фабула эпизода с ограблением, а путь, которым шел человек к уголовному преступлению, любопытной была всегдашняя готовность Качалина быть «всяким». Работа на заводе, служба в армии. Служил хорошо. И снова работа на заводе. Занимался спортом, поступил в техникум. Но стал выпивать, сначала когда выпадет случай, потом все чаще и чаще. Появились определенного сорта знакомые... И настала минута — не могла не настать, — когда поднял на незнакомого человека руку, взял чужие часы. Вполне вероятно, что часы эти он взял «просто так», не отдавая себе отчета, как говорит теперь. Может

ваться», «попредставиться»), а затем — предельная, хотя и косноязычная откровенность на допросах.

— Почти каждый вечер драка. Бутылка не проблема. Иногда думал: «Зачем мне все это? К хорошему такая жизнь не приведет, ясно». Порой говорили об этом. Но что надо делать, чтобы избавиться друг от друга, никто не знал.

— Без джинсов и фирменных маек ты не человек. И если не знаешь состава модного ансамбля — тоже. А почему среди нас девушка, готовая пойти с первым «фирменным» мальчиком? Потому что для нас важна обертка, упаковка. Без упаковки ты теряешь «лицо».

— Не могу объяснить, почему случилось это. Был в «кайфе». Остальное все вышло само собой.

— Дело в том, что мы стадо, нас нет. Я четыре месяца пролежал в больнице, и никто из «друзей» ни разу ко мне не пришел. Почему? Потому что меня не было! Мы пытаемся выделиться из общей массы, а превращаемся в стадо. Но из него не выйти! Почему? Очень просто: боишься насмешек, придираков, а то и побоев прежних друзей. Волевым усилием начинаешь добывать деньги, перепродавать дефицит. На дискотеках таких называют «королями». Им завидуют, ими восхищаются. Но на самом деле их тоже нет.

— Одеваться, как все, думать, как все, а потом пенсионером сидеть на лавочке у подъезда? Я не хотел быть, как все, но куда от этого уйдешь? Да и быть, как все, легче...

Один и тот же звук, одна и та же психологическая тональность.

«Нет человека, который был бы, как остров, сам по себе» — так сказал английский поэт XVI века Джон Донн. Да, только что родившийся человек входит в уже сложившийся мир. Волны омылают остров бытия всегда. С рождения. С пеленок. Волны исторических и частных событий, волны чужих мнений и характеров, общих и конкретных ситуаций. Они окатывают человека, шлифуют его. При этом человек находится одновременно во многих общностях. Он сын или отец. Он, допустим, сотрудник института или член заводской бригады. Он гражданин своей страны. Кроме того, он чей-то приятель, наконец, друг. Каждая из этих общностей, большая или малая, влияет на его поведение, своим одобрением или осуждением направляет человека в определенное русло. Если я как человек вполне сложился, состоялся как личность, то какими бы большими и страшными ни были волны, набегающие на остров моей жизни, мои отношения

«личностью» или без — разницы нет. Да, словно бы говорит такой человек, я та самая знаменитая «чистая доска», на которой без особых усилий пишется любые слова, фиксируются любые мнения, взгляды. «Чистая доска», на которой могут быть выведены знаки любого достоинства — добра и зла, веры и безверия, доска, на которой одни знаки могут легко заменяться другими. В зависимости от ситуации.

Признаюсь, мне стало не по себе, когда следователь оставил меня наедине с Юрием Качалиным и разговор у нас пошел откровенный.

— Все-таки почему вы, Юра, именно вы, ударили этого человека? Он вам совсем незнаком. Им мог быть я, кто угодно другой. Почему?

— Ну, я же говорю, сзади крикнул кто-то: «Врежь ему!»

— Хорошо. Через год, два, три — не знаю, какую меру наказания определит вам суд, — вы снова будете на свободе. Опять ведь могут возникнуть обстоятельства...

— Не, я не буду.

— Ну, а если кто-то попросит? — наступал я.

Качалин молчал.

— Заставит, наконец! Обстоятельства так сложатся. Предположим, незнакомым случайным человеком окажусь я. Да что я! У вас есть брат?

— Есть.

— Вот! Это будет брат. А сзади кто-то будет кричать вам в ухо: «Врежь ему, врежь!»

Молчание.

— Вы даже не будете видеть того, кто кричит, вы будете слышать только одно: «Врежь!»

— Я не знаю, не знаю! Я как все... Я всегда как все!

Напротив меня сидел симпатичный голубоглазый молодой человек...

Читатель, наверное, уже заметил, что я веду рассказ не столько о каком-то одном конкретном человеке, сколько об определенном типе человека. Человека, постоянно идущего на какие-то сделки и соглашения с микрообстоятельствами жизни, окружающими его. Человека, у которого отсутствует

«внутренняя идея», который готов быть «все» и «всяким».

Вот как я представляю себе диалог такого человека с совестью.

— Ты должен жить согласно идеалам! — говорит она ему.

— Я живу, соглашаясь с теми обстоятельствами, которыми обусловлены мои действия, — отвечает он.

— Но ты не должен приспособляться к этим обстоятельствам!

— Так я же не могу поступать иначе, чем того требуют внешние обстоятельства, — отвечает он.

— Ты не хочешь иначе?

— Я не могу.

Отложим пока комментарий к этому диалогу. Сменим, как говорят, пластинку и посмотрим на другой типаж человека.

Любопытнейшее письмо паренька из Златоуста опубликовал в начале нынешнего года в газете «Советская Россия» известный публицист-международник Эрнст Генри. Приведу цитату из этого письма. «...Вот уже несколько лет я мечтаю стать революционером, — пишет парень. — Нет, революционер — слишком громкое слово для этого случая. Просто я готов с оружием в руках сражаться там, где это сейчас необходимо... А начались все с уроков истории в школе. История всегда представлялась мне непрерывной цепью мятежей, восстаний, революций, а имена штурмовавших небо запомнились лучше, чем имена королей и министров, казненных их. Но революционеры были для меня людьми прошлого. Все изменилось,

ла Испания. О ней думают, наверное, все, для кого боевой интернационализм не просто слова, а символ. Потом было много разных других книг и героев. Каша в голове стояла невообразимая: и народолюбцы и Огюст Бланки. До сих пор не могу понять, как в XIX веке можно было гибнуть от скуки хорошим людям.

Однажды я прочитал рассказ Грина. Жил в уездном городке мелкий чиновник. Жил не хуже и не лучше других. Как-то в журнале он увидел картинку: догонщики скота в Кордильерах. Он бросил все, но добрался до Южной Америки. И был счастлив, что осуществил задуманное. Вот, наверное, что должен сделать каждый молодой человек — попытаться вырваться из привычных обстоятельств жизни, взять судьбу за руля... Не знаю как, но должно прийти ощущение увлечения политикой. Цель моя в настоящее время можно сформулировать так: противостоять силе, которую Эрнст Генри называет «профессиональным антикоммунизмом». Противостоять, конечно, можно по-разному. Стать журналистом, политическим деятелем или дипломатом я не смогу, так, может, буду просто хорошим солдатом. Послав письмо Э. Генри, я не рассчитывал на газетную публикацию. Надо было просто посоветоваться... И вдруг стали приходить письма со всей страны. Что я мог ответить этим ребятам? Ведь кое-кто понял меня и так: мол, убегаю от трудностей жизни в страну грез. Нет, трудностей я не боюсь и для своего возраста знаю жизнь, думаю, даже очень хорошо. Так вот, не от жизни я бегу. Наоборот, я как раз хочу жить. Только не так, как некоторые: спокойно, размеренно, от звонка до звонка проживать время в «тихом счастье» или в подобии его. Пусть будет и тепло, пусть будет и уют, но только лишь после бури...»

Рассказывая выше о Юрии Качалине, я пытался набросать портрет человека как бы одного измерения. Человека, не знающего да и не ищущего выхода из мира частного в мир всеобщего. Таким — одномерным, примыкающим к добру и

Не знаю, как сложатся в дальнейшем судьбы Качалина и Дружинина. Будет ли Качалин всегда верен «требованиям момента», или вдруг в один прекрасный момент душа его возмутится, восстанет, и он неожиданно увидит, что есть небо над головой?

Не знаю, будет ли до конца верен своей внутренней идее и Дружинин, найдет ли он пути к ее реализации, или жизнь своим обыденным, но мощным течением снесет все мосты, которые сейчас возводит его душа в надежде сделать цель достижимой?

Но не о них только конкретно веду я речь. Разве те пути, которые на сегодняшний день выбрали они, не наши с тобой, читатель, пути тоже? Буду честным до конца. Разве нет во мне ничего от первого человека? О, как сильно иногда ощущаю я в себе его присутствие! И как ненавистно оно другому моему «я»! Вспомнил Чехова, признававшегося, что он выдавливал из себя раба по капле. А вторая моя душа? Разве не бушует она во мне? Не ради ли того, чтобы дать ей слово, я и пишу эти слова? И разве не надо мне преодолеть при этом сопротивление другого моего «я»? Так происходит с каждым человеком.

Человек размышляет над тем, кем ему быть. Этот вопрос ежегодно мучительно встает перед миллионами молодых людей, оканчивающих школу. Выбор пути... О нем часто пишут, говорят, спорят. Но о другом выборе пути — не профессиональном, а нравственном — мы размышляем реже.

Каким мне быть? Как жить?

Согласно внутренней идее или согласно внешним обстоятельствам? Если согласно идее, то какой идее? Идея ведь тоже может быть разными.

А если согласно обстоятельствам, то каким обстоятельствам? Всяким, любым?

Каждый поступок, а шире — деяние человека, направленное либо во зло, либо к добру, — всегда слагаемое комплекса тех или иных причин и условий. Но центральной проблемой, я убежден, является все же проблема личности самого человека. Кто

ИДЕЕ

ЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?

когда я узнал историю Че Гевары. Оказалось, что борьба не прекращается ни на минуту и в этой борьбе не существует границ. Я стал читать статьи Ленина по баррикадной тактике, занялся стрельбой. Но все это было полуголом. Понимая, что моя мечта нереальна, я продолжал жить, как все: учился в школе, готовился учиться дальше, а мыслями был там, где шла борьба. Прошло несколько лет, я продолжал жить этой раздвоенной жизнью. У меня все хорошо, однако я готов оставить все и поехать. Правда, теперь я точно знаю куда. На стороне Организации освобождения Палестины сражаются добровольцы из разных стран... Но оказалось, что решить вопрос «куда» намного легче, чем получить ответ на вопрос «как».

Под этим письмом стояла подпись — Н. Дружинин. Я списался с Эрнстом Генри, чтобы узнать адрес этого человека. Он был мне необходим, потому что у меня в столе уже три года лежит недописанный роман именно о таком человеке. Человеке, который в качестве частного лица хочет отдать себя общему делу. И ищет пути к нему. Вот почему встреча с Н. Дружининым была для меня встречей с реально существующим двойником собственного персонажа.

Внимательно вглядываясь в этот антикачалинский тип человека. Из письма Николая Дружинина ко мне: «...Вы просите написать об эволюции всех этих идей во мне? Эволюция, как я понимаю, — это развитие от простого к сложному. Так вот, эволюция как таковой не было. Мне кажется, что родилось это внезапно, хотя и копилось долго. Причина всему, конечно, книги. Вы заметили, что к книгам порой относятся с двух крайне противоположных позиций? С одной стороны, книги — «учителя жизни», с другой, книжная мудрость — что-то оторванное от реальности. Да, вначале были книги. В книгах писалось о Спартаке, о Робин Гуде, о Яне Жижке, о Котовском. Так возникла и укрепилась мысль о том, что брать в руки оружие для защиты бедных и униженных — справедливое, благородное дело. Потом бы-

злу, готовым «без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наесться, все купить и все продать» — это слова Герцена — человек бывает.

Но человек бывает и другим. Живущим в мире всеобщего, когда личные цели, личный эгоизм (я употребляю это слово, ибо оно вполне применимо при описании различных типологий человека) помножены на интерес социальный, классовый, а в идеале — общечеловеческий. Если одномерный человек, примыкающий ко всему и вся, есть всегда подданный микроситуаций, каких-то микромиров, если он, переходя из одной ситуации в другую, меняет и свое лицо и свои убеждения, если он в каждом сегменте действительности рождается как бы заново, чтобы тут же умереть и вновь родиться уже в другом облике, то человек второго типа опирается не на микромиры и не на свою маленькую эгоистическую выгоду. Опора его духа, вся его практическая деятельность, вся его духовная жизнь определяются идеями более крупного и масштабного порядка. Читая письма Николая Дружинина, в общем-то сверстника Юрия Качалина, я ясно вижу, что здесь передо мной предстает не столько другой человек, сколько уже совершенно другой тип человека. Здесь другие краски и совсем другой рисунок духа.

Мы вообразили диалог человека качалинского типа с совестью. Представим себе теперь разговор человека дружининского типа с жизнью.

— Ты должен жить согласно тем обстоятельствам, которые я предлагаю, — говорит ему жизнь.

— Я живу, соглашаясь с той внутренней идеей, которая рождена обстоятельствами, но вовсе не подчинена им, — отвечает он.

— Но ты не должен поддавать под власть иллюзий! Ты можешь жить только согласно реальным обстоятельствам, которые обуславливают и предпрещают все действия человека, — требует она.

— Но я иду в жизни не химеры, а смысл бытия. И я не могу поступать иначе, чем того требует идея, которую я нашел, — отвечает он.

— Ты не хочешь?

— Я не могу.

ты, человек? В чем твое призвание? Какова твоя роль в жизни? Способен ли ты подняться над ходом событий, оказаться сильнее сложившихся обстоятельств, или от тебя ничего не зависит, и ты лишь глина, воск, слепок чужей-то чужой формы?

Каждый собственной жизнью отвечает на этот вопрос. Ибо жизнь — это бой, это тысячекilометровый путь испытаний нашего духа на прочность, на излом. Жизнь — это постоянное становление, и каждый миг этого становления — сражение, определение себя. Есть ли в тебе силы для победы?

Каждое человеческое поражение, кого бы оно ни коснулось конкретно, умалет меня. И меня делает мельче, ничтожнее, бессильнее.

И так же любая человеческая победа растит и мне крылья, делает и меня непобедимым.

Хотим мы этого или не хотим, но в каждую секунду бытия мы участники великой борьбы, которой ныне охвачен весь мир. Сотни крупных и мелких событий, заполняющих колонки газетных новостей, — это не отдельные фрагменты пестрой политической картины мировой жизни, а знаки мощных глобальных процессов, происходящих в ней. Арена этих процессов не только пространство земного шара, то есть внешнее пространство человека, но и внутреннее его пространство — душа.

Больше того. Человеческая душа сегодня, пожалуй, главное поле сражений.

Предлагаю читателям: давайте устроим на страницах журнала дискуссию. И пусть она будет похожа на мозговой штурм, нравственную атаку! Дискуссию о том, как жить и как начинать жить. Согласно идее или согласно обстоятельствам?

Дискуссию о назначении человека и смысле его бытия.

О реальном и идеальном, их гармонии и противоречиях. Причем дадим слово разным людям — и качалинского типа и дружининского.

Так каким же мне быть?..

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Фото Сергея ВЕТРОВА

ЛЮБОВЬ И ПРОЗА ЖИЗНИ

Жизнь семьи

Юрий РЮРИКОВ

«Не считаете ли вы, что резко возросло число разводов плюс семьи, которые стоят на грани развода, плюс просто несчастные пары — все это говорит о том, что семья уже исчерпала свои возможности?»

Эта записка (а похожие попадают очень часто) пришла ко мне на вечерне-диспуте в Доме культуры МГУ, и ее настроение рождено, наверное, нарастающими личными бедами. Каждый год у нас играют 2,6—2,8 миллиона свадеб. Но каждый год происходит и 900—950 тысяч разводов. Много в стране одиноких людей — каждый четвертый-пятый. Много и неполных, материнских семей, где мать одна растит ребенка. Много семей, которые разъедают частые ссоры...

Так умирает ли семья? По-моему, умирает один вид семьи, а на смену ему в муках рождается другой. Что же умирает и что рождается?

Часто говорят, что главное предназначение семьи — выращивать детей, и семья нужна прежде всего для этого. Вот такая семья, по-моему, и умирает, ею и недовольны — пусть неосознанно — многие люди.

Что такое семья, в которой центр жизни — дети? Это значит, что все радостное, интересное, счастливое достается только им одним. Родителям же остается все нудное, трудное и неинтересное. Муж и жена в такой семье в основном **мама и папа**; не живые люди, не личности, а **часть себя** самих — только родители, только выращиватели детей. Они суживают себя до одной своей роли, да и эту роль часто играют плохо — сводят воспитание к пропитанию, духовные заботы — к кухонно-прачечным. Вся их жизнь проходит в одних заботах и хлопотах, сами же они радостей от семьи почти не получают.

Кое-кто, возможно, скажет: самоотречение тут естественно, все лучшее в семье растет из альтруизма, а свой долг родителям дети отдадут своим детям... Но, по-моему, это противоестественно,

ведь эстафета родительского альтруизма и детского эгоизма обкрадывает не только взрослых, она развращает детей, убивает семью.

Эгоизм и альтруизм стоят на сваях равенства. Только в эгоизме эти сваи возвышают себя над другими, а в альтруизме — других над собой. Лучшие человеческие чувства — любовь, дружба, родительская и детская любовь — растут из другой модели личных отношений.

Все эти чувства являют собой как бы сплав эгоизма с альтруизмом. Они вбирают в себя их лучшие стороны: от эгоизма берут силу заботы о себе, от альтруизма — силу заботы о другом. Возникает как бы **эгоальтруизм** — отношение к другому как к себе самому, дорожение его чувствами как своими, его интересами как собственными. Таким эгоальтруизмом — тягой к равновесию двух «я» — пропитана вся ткань лучших человеческих чувств. Больше того: эгоальтруизм — это главная основа всей человеческой морали. Ведь человечность, гуманность (точнее, ее

эмоциональная сторона) — это и есть отношение к другим людям как к себе, понимание, что чужая боль так же больна им, как тебе твоя, а радость так же дорога, как собственная.

В семейной жизни это, по-моему, самый надежный фундамент хороших отношений. Мы можем не осознавать этого, но тяга к равновесию с другими людьми все глубже пропитывает наше подсознание, все больше движет поступками, чувствами. И чем меньше она насыщается, тем меньше у нас самых человеческих, самых глубоких душевных радостей.

«Вещанство» и «служба души»

«Не является ли ослабление семьи — в современном ее виде — объективным и необходимым процессом, который отвечает законам развития общества?» (Из записки на диспуте в ДК города Фрязино, Московская область.)

В семье сшиблись сейчас два встречных течения: слабеют материальные скрепы, которые веками связывали людей, постепенно усиливаются душевные, психологические скрепы, и люди начинают все больше ценить их.

Много веков семья была прежде всего ячейкой для устройства быта. Муж и жена были нужны друг другу больше всего как помощники в устройстве быта и выращивании детей. Людей связывали прежде всего житейские, материальные узы, а душевные оставались на втором плане. Семья была в основном хозяйственной ячейкой, как бы домашней «службой быта».

Такая семья тесна современному человеку, и он рвется из нее, часто не осознавая, чем недоволен, куда рвется... Идет переход — вековой, долгий — от семьи — «службы быта» к семье — «службе души», от семьи для детей к семье для детей и взрослых.

Хозяйственно-психологическая ячейка начинает постепенно превращаться в психологически хозяйственную, душевная жизнь начинает постепенно становиться главным пластом семейной жизни.

Главная основа такой семьи — счастье (или просто хорошие отношения) взрослых. Взрослое счастье куда труднее создать, чем детское, и для судьбы семьи оно «первичнее», краевольнее. Чем лучше в семье взрослым, тем лучше и детям; чем хуже взрослым, тем хуже и детям: именно на такой цепи зависимостей стоит семья.

Взрослое счастье — главный родитель детского счастья. И «семья для всех» держится на эгоальтруизме, на понимании, что хорошая домашняя жизнь одинаково нужна детям и взрослым.

Впрочем, вместе с переходом к семье для всех сейчас идут и обратные сдвиги. В последнее время появился еще один вид домашней «службы быта» — семья не для детей, а для вещей. У людей из такой семьи ценности вывернуты наизнанку — вещи там дороже хороших отношений. Рождается как бы новое моральное сословие — «вещане». Они бросают самые отборные силы души на обзаведение вещами; возводя их на трон, «вещанство» низводит человека до их прислужника. Такая семья самоубийственна в своей основе. Хорошие отношения в ней обратно пропорциональны власти вещей: чем больше эта власть, тем меньше хороших отношений.

«Вещане» не понимают, почему им плохо — «ведь у нас все есть». «Все» для них — это имущество, а ведь это далеко не все и даже не главное для хорошей жизни. Потому-то среди несчастных семей так много семей именно из этой категории.

«Вещанская» семья — туликовая ветвь на дереве семьи; это вывихнутая, большая семья, которую вещный дух лишает духа человечности.

Что несут нам три «взрыва»?

«Социологи пишут, что через год-два после свадьбы почти у половины супругов чувства уменьшаются или исчезают. В чем причина такой короткой жизни чувств и можно ли их удлинить?» (Из записки на диспуте в ДК авиазавода, г. Куйбышев.)

НТР и урбанизация резко убыстрили ритм нашей жизни, вызвали «взрыв перемен»: в год происходит сейчас столько сдвигов, сколько раньше вместищалось в 10—20 лет. Это и обогащает нашу жизнь новизной и резко усиливает нагрузку на психику.

Так же двойко действуют на нас и другие два «взрыва»: «взрыв информации» — половодье знаний, лавина повседневных впечатлений; и «взрыв контактов» — крутой взлет людских контактов. Это и расширяет наш кругозор, раздвигает горизонты и еще резче усиливает нервные перегрузки.

Наша нервная система по-своему реагирует на эти «взрывы» — она рождает защитные психологические механизмы, как бы тормоза, глушители чувств. В каждое переживание, в каждое ощущение психика начинает отпускать меньше нервов сил, чем раньше. Мы бережем себя от перерасхода нервной энергии, но наши чувства от этого слабеют, делаются рассудочными и теряют в личном своеобразии. Это биологическая защита — такой ценой человеческий организм приспособляется к своеобразию будней.

Исследования семьи во многих странах показали: для счастья (или несчастья) нынешних людей куда важнее их психологические отношения, чем материальная база. Конечно, разумный минимум жилья, денег, вещей нужен людям как хлеб. Но такой достаток не фундамент для счастья, а только котлован для фундамента. Фундаментом для счастья (или наоборот) служат именно психологические отношения людей, их душевные тяготения или отталкивания.

Старая семья насыщала самые простые, базовые нужды людей — житейские, половые, эмоциональные. У нынешнего человека другой набор требований, старый тесен ему, мал. Самой его психологии нужно, чтобы семья насыщала и более высокие его запросы — психологические, нравственные, умственные.

У семьи появляется новая обязанность, которой не было никогда в истории, — обязанность насыщать наши высшие душевные запросы. А это невероятно повышает внутренние требования друг к другу, ставит миллионы людей в небывало трудное психологическое положение.

Месторождение счастья

«Не считаете ли вы, что могут быть автономными: 1) семья, 2) любовь, 3) интимные отношения? Если не быть ханжой, то ведь совсем не обязательно, чтобы пункты 2 и 3 были взаимосвязаны и обязательно проявлялись в пункте 1». (Из записки на вечеру в Политехническом музее.)

Увы, в жизни эти понятия часто встречаются по отдельности: и у юных — в семейные времена, и у одиноких, и у семейных людей. Но когда они слиты в семью, сила их не просто складывается, а как бы помножается друг на друга.

Семья — уникальное человеческое явление. В ней уравновешивают друг друга самые главные запросы мужчины, женщины, ребенка. В ней уживаются, притираются друг к другу их основные потребности. Пожалуй, это единственная человеческая ячейка, где достигается равновесие наших самых глубинных запросов и где общие знаменатели этих запросов глубже, чем их разница. Очевидно, что семья — тот повсе-

дневный полигон, где выковывается станковое человеческое свойство — тяга людей к единству, именно семья рождает в людях главную модель человечности — отношение к другим как к себе самому. Причем не просто в сознании, не просто в верхних этажах души, а прежде всего в чувствах, в подсознании — в самых артезианских, самых краугольных душевных недрах.

Выдающийся советский физик академик Зельдович как-то сказал: «Счастье — это когда утром хочется идти на работу, а вечером домой». Это хорошая формула счастья, но, пожалуй, слишком максималистская, предельная. Не всем доступно сегодня такое двойное счастье-максимум, зато большинству доступнее, достижимее счастье-минимум — чтобы вечером тянуло домой.

Впрочем, некоторые думают по-другому. Недавно, например, известная летчица со страниц газеты сказала, что счастье человеку дает «на восемьдесят пять процентов — любимая работа, а остальное — хороший, теплый дом». Помоему, это слишком уж эмансипированное понимание счастья: главное в нем — работа, семья же, дому остается воробьиная доля.

Конечно, интересный труд, хорошая работа — одна из высших потребностей души. Но и потребность в любви, в семье, в материнстве, отцовстве — тоже высшая человеческая потребность.

Семья — главное месторождение счастья или горя в нашей жизни. У нее уникальная психологическая основа — союз трех видов: супружеской, родительской и детской. Сплыв этих чувств может создать самую теплую в мире, самую душевную атмосферу...

Семья — нормальная, хорошая семья — может соединить в себе три огромных материка счастья: счастье любви (или просто хороших отношений), родительской и детской любви. На это способна только семья, и потому хорошая семейная жизнь — один из главных пластов человеческого смысла жизни.

Новая роль семьи

«Вы говорите, что роль семьи в будущем возрастет. Я не вижу достаточных аргументов в поддержку этой гипотезы. Ведь перечисление положительных функций семьи не есть аргумент. Не кажется ли вам, что в каком-то смысле эта роль будет падать?» (Из записки на диспуте в ДК «Академия», Новосибирский академгородок.)

Да, материальная роль семьи сейчас падает (а в будущем, наверное, упадет еще больше): сегодня можно, хотя и с изъятиями, неплохо устроить быт и без семьи, вырастить ребенка без мужа. Зато психологическая роль семьи делается важной, как никогда.

Семья поворачивается к современному человеку новой своей стороной, начинает делаться нужной ему такими свойствами, какими никогда в истории нужна не была. Она начинает заботиться о нас, видимо, занимает в будущем — совершенно новое место в жизни людей и в жизни общества.

Чем быстрее ритм жизни, чем выше нервные перегрузки, тем больше семья нужна людям как дом отдыха для нервов, оазис для души. Как говорили в прошлом веке: хорошая семья — гавань в бурю, плохая — буря в гавани. К сожалению, многие семьи сейчас — поле брани в прямом и в переносном смысле слова. К бурям внешним они добавляют бури внутренние и изматывают нервы людей. Потому и зреет сейчас все более властная потребность в новой семье — санатории для души, гавани в бушующем море. Если мы не сделаем семью убежищем, если не создадим в ней целебную атмосферу, нас постигнут лавины неврозов, половодье бед и несчастий. Но когда семья людей,

семья — «служба души» — станет массовой, она сыграет спасительную роль и для быта людей и для всех других сторон их жизни.

Умирает ли любовь?

«Ни один пророк не может сказать, как дальше будет развиваться человечество. В книге «Три влечения» вы писали, что любовь — это религия сердца, культ любимого человека. Вполне возможно, что любовь отомрет, как отмирает религия. Ее заменят дружба, братство.

Может быть, это закономерный процесс для цивилизации? И тогда мы утратим то, что должно оставаться?» (Из записки на вечеру в центральном лектории «Знание», Ленинград.)

Один мой знакомый однажды отправился с дочуркой на вокзал встречать жену. Она вышла из вагона с двумя сумками и еле двинулась от тяжести. Дочурка радостно вскрикнула, увидев маму, и кинулась ей на шею — добавила к ее грузу свои 20 килограммов. Я рассказывал знакомый, поймал себя на мысли, что кинулся бы сначала к сумкам, и кинулся и тут же поразился: жена не подломилась под новой тяжестью, наоборот, лицо у нее мгновенно просветлело, движения помолодели.

И тут я понял: порыв любви, который бросил девочку к маме, не разумен, а сверхразумен. Именно этот нерассуждающий взлет радости влил в жену свежесть, силу. Ведь девочка не просто кинулась к маме на шею, она как бы излучила, извергла на нее вихрь эмоциональной энергии, энергии любви, которая несет в себе силу, свежесть, вымывает шлаки усталости. И я всей душой ощутил: вот так и надо дарить любовь — как дети. Не сдерживать естественные порывы любви, а именно дарить их, причем как можно чаще. Радостный взгляд облегчает больше облегчающей руки, а искреннее слово симпатии, восхищения, любви во сто раз больше помогает усталой женщине, чем стирка пеленок мужчиной или таскание тяжестей.

Ну, а на вопрос: «Отмирает ли любовь?» — ответ, наверное, ясен. Любовь может переживать кризисы, страдать от болезней, но она была и останется одним из главных родовых чувств человека — тех чувств, которые и сделали человека человеком. Она дает людям свои, особые заряды энергии, она по-своему, как не могут другие чувства, очеловечивает нас, пробуждает в людях такие силы, о которых они подчас и не подозревают.

Как ветер — это движение воздуха, так и любовь — это естественное проявление человеческой души. Она умрет, пожалуй, только если умрет человечество.

В шторме перемен

«Вы утверждаете, что семья устоит под натиском разрушающих факторов. Может ли помочь здесь общество?» (Из записки на диспуте в пединституте, Красноярск.)

Семья попала сейчас в шторм перемен. Пожалуй, еще никогда в истории сдвиги в ней не были такими бурными и глубинными, личной жизнью — такой сложной. Значит, нужна новая стратегия помощи семье — и от нас самих и от общества.

Что можем мы сделать прежде всего? Во-первых, осознать, почувствовать, что психологическая культура супружества в корне переменялась и ее новый главный закон — закон максимальной помощи своим чувствам.

Любовь, а тем более влюбленность,

влечение — чувства самоугасающие, они живут столько, сколько мы им помогаем. А чем слабее наши чувства — и чем они сложнее, взыскательнее, — тем больше нужна помощь, которая продлевает им жизнь.

Что значит помогать чувствам? Это значит прежде всего мешать своим недостаткам: не давать им убивать чувства близких. К сожалению, в массе семей царит губительный обычай: от чужих мы свои недостатки прячем, а на близких обрушиваем их водопадом.

Многим из нас стоило бы перепрограммировать себя, перенастроить свои душевные струны: светлые пусть звучат как можно чаще и громче, темные — реже и тише. Огромную роль здесь играет нравственное воспитание, а именно перевод этого воспитания с рельсов родительского альтруизма на рельсы згоальтруизма. С рождения надо настраивать детей на то, что их заботы о близких так же нужны и дороги им, как детям — заботы взрослых. С молоком матери в детях надо воспитывать материнское отношение к близким. Это насытит душевною весь климат семьи, сделает творение Человека в маленьком человеке одним из главных домашних дел.

Какую помощь от общества ждет семья? Частичная помощь, как показала жизнь, дает только частичные улучшения. Новые задачи не решить старыми методами. Лишь действуя одновременно — системно — на все болевые точки, все противоречия семьи, можно смягчить их. Нужна универсальная, всесторонняя помощь семье, которая касалась бы всех сторон семейного быта: помощь жилищная, финансовая, хозяйственная, воспитательная, просветительная, культурная, организационная...

К сожалению, наука (социология, экономика, демография, психология, сексология, педагогика) очень медленно занимается выработкой стратегии развития семьи и семейного воспитания. Социология больше изучает семью как ячейку жизни и почти не изучает ее как один из главных ступеней жизни общества. Экономика семьи, как науки, не существует — об этом говорят сами экономисты. Демография и психология тоже мало занимаются семьей. Нет четкой системы социального управления развитием семьи, и потому это развитие идет во многом стихийно, почти без регулирования его плюсов и минусов.

Как отметил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК партии тов. Ю. В. Андропов, «наука, к сожалению, еще не подказала практике нужные, отвечающие принципам и условиям развитого социализма решения ряда важных проблем». Поэтому мы «порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

А ведь в семье, в семейном воспитании таятся очень важные, целинные, мало используемые рычаги прогресса. Начиная с семьи, идет развитие человека как главного носителя общественных отношений и главного звена производительных сил. Семья растит в нас способность дорожить своими близкими, как собой. И потому семья — нормальная, хорошая семья — может быть мощным генератором гуманизма. В быту, в личной жизни она дает людям то, что в обществе дают высшие идеалы и высшие принципы общественного устройства, выработанные человечеством.

Семья — союзник этих идеалов, один из главных внедрителей их в людские души. Но только хорошая семья, только семья людей. Плохая семья не может быть «гнездом гуманизма». Семья, в которой нет хороших отношений, в людях замкнутость в себе, «я»-центризм и эгоизм — врагов человеческого счастья и человеческих идеалов. И потому всю стратегию помощи семье стоило бы пропитать одной целью: так переустроить быт, чтобы семья людей, семья — «служба души» стала самой массовой, самой распространенной...

АДРИАНО ЧЕЛЕНТАНО:

ЭТЮД В СОЦИАЛЬНЫХ ТОНАХ

КЛУБ
«Музыка
с тобой»

Прошлым летом прошел слух, что на гастроли в СССР приезжает Адриано Челентано. — Вы слышали, приезжает Челентано. — поспешил я поделиться новостью со знакомым итальянцем, работающим в Москве, полагая, что ему будет приятно узнать о признании таланта своего соотечественника.

Но в ответ тот скорчил гримасу, которая должна была означать: «Неужели не могли пригласить кого-нибудь другого, получше?» — и пожал плечами.

Признаюсь, его ответ даже расстроил меня, это был период, когда Челентано мне нравился. Высказанное мнение, впрочем, можно было бы сбросить со счетов — это было мнение банкира, а не искусствоведа, среднего потребителя, а не ценителя. Но сделать этого я не мог, потому что сам ощущал, что певец вызывает во мне далеко не однозначные чувства, временами даже откровенную неприязнь, а периоды увлечения сменяются активным его неприятием. И дело здесь, конечно, не в том, что он предаст прославленное итальянское бельканто и поет голосом хулигана с городской окраины...

Челентано, бесспорно, артист по рождению. Он музыкален, пластичен. Тот, кто помнит его танго на набережной в фильме «Блеф», или видел, как он давит виноград в «Укрощении строптивого», согласится, что чувство ритма живет в нем от рождения, что артистичность дается ему без всякого труда. Он играет и поет, как живет. Это его естественное состояние, которое он умеет передавать другим.

Среди многочисленных итальянских «звезд» Адриано Челентано пользуется особым положением. Его впустили в узкий круг эстрадной и кинематографической элиты. Попавшему туда не нужно раздавать интервью по любому поводу, чтобы напомнить публике о своем существовании, не нужно устраивать шумные истории вокруг своей личной жизни, чтобы не быть забытым. Поскольку каждый из них — Модуньо ли, Сорди, или, наконец, Челентано — и без того может рассчитывать на успех. Успех большой, но все же имеющий четко очерченные пределы — их определяют размеры аудитории, с которой находит взаимопонимание артист. Это их личный успех, он не зависит от моды, его причины глубже.

С этим обстоятельством связан парадокс Челентано. Оказалось, что ему гораздо проще покорять аудиторию за пределами страны, там, где не понимают смысла слов его песен, там, где он увлекает мелодией, настроением, артистизмом. На родине круг его поклонников сужается, далеко не все там согласны с его точкой зрения.

«Это история одного из нас». Таки-ми словами начинается лучшая, на мой взгляд, песня Челентано — песня «Парень с улицы Глюк». Для него она, кстати, автобиографична. В ней рассказывается история парня, выросшего за городской чертой, среди «людей спокойных, тех, что работают». Но наступает день, когда парень этот отправляется в город искать счастья. Друзья завидуют ему:

«Наконец, ты едешь в город. Там найдешь ты то, чего здесь нет». Проходят годы, парень с улицы Глюк выбился в люди. Он возвращается туда, откуда начал путь. Теперь он богат, может купить не только дом, в котором вырос...

«Но где же этот дом? Где друзья?»

Город поглотил все. Нет прошлого, нет будущего.

«Как же быть?!»

Челентано родился в 1939 году в Милане. Подростком пережил бурную индустриализацию этого района, «по-американски» вырвавшую миллионные массы итальянцев из привычного, устоявшегося стиля жизни, оборвавшую их корни. Челентано отдаст дань той эпохе — в 1957 году он побеждает на итальянском общенациональном конкурсе рок-н-ролла с песней «Чао скажу тебе». Ранний успех не вскружил ему голову. Прослушивая записи тех лет, удивляешься, насколько ровно, на высокопрофессиональном уровне выступал он тогда. Эту высокую артистичность он сохранил до сих пор.

Но время шло вперед. Менялись ритмы. Рок-н-ролл устаревает, сходит со сцены. «Звезды», еще вчера безраздельно господствовавшие на эстраде, в растерянности; режут себе вены, пьют, сходят с круга. Другие пытаются подстроиться под новые ритмы. Часто с трагическим исходом. Челентано выжидает, он не хочет подстраиваться, он хочет остаться самим собой. Был ли это тактический ход расчетливого «бегуна на длинную дистанцию»? Скорее певец просто не мог петь иначе, чем пел раньше, чем будет петь позже. Он был выращен в ритмах своей эпохи, он жил ими. И ждал своего часа. Так ли это было на самом деле и насколько мучительным было это ожидание, неизвестно: Челентано не допускает любопытных в свой внутренний мир. Так или иначе, но он дождался своего часа.

Без модного когда-то кока, без ботинок на толстой подошве в своем нынешнем облике он вновь появился перед зрителями в конце шестидесятых годов. Репертуар, естественно, изменился — рок-н-ролл сменился другими, но такими же ритмичными мелодиями. Но не на эти внешние атрибуты хочу обратить внимание.

«Мир раскололся, и трещина прошла через сердце поэта». Может быть, кому-то покажется неуместным цитировать Гейне, когда речь идет «всего лишь» об эстрадном певце и комедийном актере. Трещина действительно прошла через душу Челентано. Он стал знаменитостью в переломные для итальянского общества годы. Он вернулся на авансцену, когда новый кризис обещает вновь радикально изменить образ жизни итальянца. Поэтому так уместно, злободневно и больно звучат его сожаления о безвозвратно утерянном прошлом и опасения за будущее. Но как скудно и плоско выглядит пересказ его поэтического обличения борьбы за существование, погони за деньгами. Хотя в то же время в окружающем его мире с оголенной жестокостью, он показывает, что значит жить под страхом войны. Вот «трещина» певца.

Челентано, человек сильной воли, не ограничивается ролью плакальщика. Но замазывать свою «трещину» он пытается то идиллическими картинками несуществующей дружной крестьянской общины, то намеками на избавительную миссию «высших сил», что, конечно, естественно и, может быть, даже простительно для такого ревностного католика, как он. Но некоторые его подкаски представляются просто опасными: в них чувствуешь порой тоску по «сильной руке», которая взнуздала бы «взбесившееся» общество...

К сожалению, его нельзя разделить пополам: на Челентано-артиста и Челентано-гражданина. Насколько хорош первый, настолько сомнителен второй. Челентано один и неделим, и оценивать его приходится таким, каков он есть. Высшую же оценку, к сожалению, поставить нельзя.

Валентин РОЩИН

КОНКУРС «МОЯ ПЕСНЯ»

«Однажды в ожидании электричества слышу пиррономый шум и услышала очень нежную лирическую мелодию, с трудом разобрала несколько слов: «Мой милый, если б не было войны». Песня началась из магнитофона, лежавшего на одной из рюмок шаурной молодежной компании — парни и девушки лет по семнадцать — девятнадцать. Я в душе порадовалась, что они слушают такую песню, подошла ближе. Ласковым женским голосом пел то, что я мысленно повторяла долгие годы, часто повторяю и сейчас:

Многое напомнили мне эти слова. Я окончила школу в то лето, когда началась война. Другим была наш класс, весело и интересно жила, как говорит, «весь миром», и казалась, вперед! — только счастливая жизнь. Но... Мальчишки нашего класса погибли все. Погиб и Женя, мой тезка, самый лучший в мире человек — в самом начале войны, не успев написать ни одного письма. И долго было не верилось, что это нет, и никогда не будет, и я часто ходила на вокзал встречать эшелоны — может быть, он вернется...
«Мой милый, если б не было войны...» Как точно угадал автор этой песни настроение, душевное состояние многих тех, так и не дождавшихся тех, своих единственных! Тогда, найдя какой-то предлог, я не поехала на дачу, вернулась домой, чтобы побыть одной — одной, на один со своей памятью.

В прошлом году вы проводили конкурс «10 лучших». На мой взгляд, к сожалению, читатели коснулись только любимых исполнителей, а вот любимых песен — думаю, нет, иначе вы бы уже что-то напечатали в выпуске клуба «Музыка с тобой». Почему бы не объявить конкурс лучших (любимых) песен?

Евгения Викторовна К., Саратов.

Есть даже некоторая символичность в том, что автор письма не подписалась полностью — ее история, пусть другими словами, наверняка могли бы рассказать многие женщины страны. И предложение, высказанное нашей читательницей, тоже в разных вариациях, но звучит во многих письмах, пришедших на конкурс «10 лучших» в прошлом году. Приглашаем вас, дорогие читатели, принять участие в конкурсе «Моя песня». Расскажите о вашей любимой песне эстрадного репертуара последних лет:

— Кто, на ваш взгляд, ее лучший исполнитель и почему?

— Органично ли слияние музыкальной и стихотворной основ или все-таки какая-то из них немного перетягивает?

— Какие мысли и чувства вызвала у вас эта песня?

Хотелось бы, чтобы ваши письма о любимой песне были небольшими этюдами, самые интересные из которых мы опубликуем в клубе «Музыка с тобой». Автора лучшего этюда о песне-победительнице — той, что чаще всего встретится в письмах, — ждет диплом «Смелый» и пластинка с записью этой песни и автографом ее исполнителя.

Ждем ваших писем с пометкой на конверте: «Моя песня».

Все было в старой Риге, как всегда. Петушки, венчавшие шпили храмов, привычно сверкали на солнце золотыми боками. Им сверху было видно все. Каменные коты крались по крышам. Загадочные чудовища охраняли входы в дома. На узких улочках, не похожих ни на какие другие улочки в мире, снималось кино...

Все было в Риге, как всегда. И все-таки чего-то не хватало. И будучи прочитав мои мысли, высокий голубоглазый человек, Гунар Далманис, сказал:

— Риге так недостает органа. — И добавил: — Да и мне недостает его.

Он грустно посмотрел на табличку у входа в Домский: «Посторонним вход воспрещен. Идет реставрация». И толкнул тяжелую дверь. Дежурная в зимнем пальто, хотя на улице стояло лето, неградила нам дорогу. «Посторонним...», — строго начала она, но, разглядев, что перед ней органиный мастер, замолчала.

Бронзовые люстры лежали у наших ног. Органичные трубы, укутанные в целлофан, выглядели непривычно. А тысяча из них уже «уехала» в Голландию. Там мастера фирмы «Флендтроп» — одной из лучших в мире фирм по реставрации исторических органов — капитально ремонтируют механику органа. В работе принимают участие и наши специалисты во главе с Гунаром Далманисом.

Гунар добавил и сам в командировку в голландский город Заандам. Цель своей поездки он объяснил так: «Еду за опытом и посмотреть, как там

вали витражи художницы рижского комбината «Максла».

— За свою долую жизнь орган не раз переделывался, реставрировался. А в войну потерял голос. Оккупанты украл 765 труб... — рассказывает Гунар. — Да, самое время ему серьезно подлечиться... 300 концертов в год. Нагрузка! Это 30 тысяч слушателей, которые дышат. Тысячи улыбайтесь. Дыхание в данном случае тоже разрушитель. Особенно тяжело ему приходится летом в «пик» работы. Два концерта в день плюс ретепетиции. От такого напряжения орган бросает то в жар, то в холод. Он уже давно чувствует себя не в форме.

Но в день своего столетнего юбилея орган будет выглядеть очень юно. Почти как в конце XIX века, когда германская фирма «Валкер» закончила над ним работу. И дело не только во внешности. Улучшится его звучание. А в обновленном концертном зале можно будет увидеть, кроме органа, хор на эстраде.

Голос Гунара гулко раздавался в холодном, не устроеном пока зале, одетом в леса. Он ходил среди этих стен как неприкаянный, выглядел, словно человек, лишившийся чего-то очень дорогого.

— В молодости я чистил дымоходы здесь, в старом городе. А вечерами играл в оркестре трубочистов на аккордеоне. Работа мне нравилась. Я пробыл на ней семь лет и ни разу не свалился с крыши. Как-то ко мне подходит директор и говорит: «Послушай, Гунар, а не настроишь ли ты мое пианино?» Я сказал, что ничего не смыслю.

СЮЖЕТ Елена МИХАЙЛОВСКАЯ ДЛЯ МАСТЕРА

чувствует себя наш старина. Ему в будущем году сто лет стукнет».

Гунар говорил про орган, как про живое существо: «Он чувствует. Он устал». Все дело в том, что Гунар и орган вместе с 1962 года, с тех самых пор уникальный памятник XIII—XIV веков стал музеем и концертным залом.

И не успел Гунар тогда привыкнуть на новом месте, как пришлось... спастись орган. В собор провели центральное отопление. Зима выдалась холодная. И старший смотритель приказывал: «Топи жарче». Он хотел как лучше. Внутри органа температура поднималась до 16 градусов. Потихоньку начал сохнуть, мехи стали протухать воздух, клапаны отошли, трубы шпели, гудели.

— Мы с мастером Козловым из Москвы заклеивали щели, трещины, stroгали, клеили. Через две недели орган заиграл. Но я понял тогда: все дело в режиме влажности. Каменные стены дают много влаги. Я почувствовал это летом, что пришлось за мной злосчастной зимой, когда орган рассыхался. Нашел место в стене молоток в один кличок. Взял зубило, молоток и сделал люк. А для зыбки купил садовую лейку. Когда на улице был мороз и в соборе сильно топили, мы поливали стены, каждый день измеряли влажность у пульта, в моторном отделении, внутри органа.

Витражи сверкали яркими красками, будто были выполнены не сто лет назад в мастерской Мейера в Мюнхене, а где-нибудь недавно в Риге. Примерно так и оказалось. Отреставриро-

«Руки у тебя золотые, — говорит директор. — К тому же ты не глухой...» Помню, просидел я над директорским пианино семь часов. Как ни странно, получилось. Дома рассказал жене. Она обрадовалась: «Это идея! Ты и сам говорил, что в музыкальной школе на «отлично» диспанты по теории писал. Иди в настройщики. Они и одеты почище». Так я переквалифицировался.

— И что, все органичные мастера в прошлом настройщики?

— Не все. Мой лучший помощник Андрис Мисикс был до этого токарем, столяром. И все ему в нашем деле пригодилось. В моей трудовой книжке значится фабрика музыкальных инструментов. Я пришел туда грузчиком. Потом занимался обработкой чугуновых рам для музыкальных инструментов, сборкой механики пианино и роялей. Научился их настраивать. Прочел немало книг на немецком языке по этому вопросу. Позже сам обучил нескольких молодых людей с фабрики. Во всем мире, между прочим, не хватает настройщиков!

Вот почему, наверное, к Гунару приезжают учиться со всего Союза. Он член Всесоюзного общества по созданию и ремонту органов, член Всемирного общества «Друзья органа». К тому же ведет курсы в консерватории по истории, устройству, регулировке органа. Благодаря своей профессии Гунар слышал лучших органистов мира: Флора Петерса из Бельгии, Пьера Кошро и Жана Гийю из Франции, эстонца Хуго Лэпшурма, Бернардаса Василюккаса из Литвы, выступавших

в Домском, а перед концертами настраивал им инструмент.

— Жан Гийю! — неожиданно произнес Гунар. Видно, с этим Гийю было у него связано что-то хорошее. — Очень славный человек, — продолжил Гунар воспоминания и добавил: — Он тут влюбился с первого взгляда... в наш собор и орган. Он признался однажды: «Знаешь, Гунар, орган Собора Парижской богородицы звучит гораздо хуже». А как он ретепировал! Посидит, посоветует. Поиграет, поиграет. Вторую посидит с места — и на улицу. Побродит по площади вокруг собора, и снова за инструмент. Говорил, будто эти стены вселяют в него вдохновение.

И за двадцать два года работы ни один концерт не сорвался. Ни одного ЧП. То есть ЧП были, конечно, но слушатели ни разу ничего не заметили. Потому что Гунар и кто-нибудь из четырех его помощников всегда были начеку. В этом смысле они вроде докторов, чуткие уши которых улавливают малейшие шумы в сложном органе (6768 труб, 127 регистров) столь необычного пациента. И нужна солидная практика, чтобы излучить все его тонкости, понять все капризы.

— Научиться настраивать орган, в общем, не такая долгая история, — заметил Гунар. — Механику его можно изучать всю жизнь. И всякий раз делать для себя какие-то маленькие открытия.

— А если нет концертов в Домском, тогда орган молчит?

— Тогда ираю на нем сам, — ответил Гунар и достал из портфеля большую пластинку. На ней крупно было выведено: «Орган церкви Руцавы». — Только что вышла, — пояснил Гунар. — Это лишь одна пластинка из серии «Исторические органы Латвии». Всего пластинок будет 15, а может, больше. Все зависит от того, как пойдет поиск.

— Гунар, как вы относитесь к тако-

му утверждению: орган, мол, не современно. Это музыка для пожилых?

— Никак. Разве бывает такое: одна музыка для молодых, другая — для пенсионеров? Кстати, в поисках уникальных органов нам охотно помогают молодежь. А на концертах в Домском я вижу очень много молодых лиц.

Мы вышли из собора. Дежурная по-прежнему мерзла в зимнем пальто. На улице светило солнце. Часы на башне Петра пробили полдень. Рядом с нами остановилась группа из Армении. Экскурсовод объяснял:

— В 1919 году, с установлением Советской власти в Латвии, Домский собор был вовлечен в общественно-политическую жизнь Риги. Здесь происходили массовые собрания и «концерты-митинги». Члены Советского правительства и его председатель Петер Стучка выступали на митингах с пламенными речами. Митинги сопровождались концертами с участием известных исполнителей...

Светлые глаза Гунара были не очень веселыми. Сотрудники Домского музея мне сказали по секрету:

— С тех пор, как орган молчит, нашудел Гунар просто не узнать. Он пошел и ходит сам не свой. Тоскует очень.

Гунар уже успел рассказать множество всяких историй из жизни органа, которые в основном были связаны с его жизнью тоже. Впрочем, если бы и не было этого множества, я бы все равно поняла: все, что соединяет Гунара Далманиса с этим старым-престарым инструментом, называется — одержимая любовь!

Скандальность на трамплине

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Чтобы не терять времени в ожидании своих посетителей, он взял чистый лист бумаги и шариковую ручку и, немного поразмыслив, начал писать. Нужно было поставить перед судебно-медицинской экспертизой несколько вопросов. Первый — самый обычный: что явилось непосредственной причиной смерти? Второй: каково было состояние жизненно важных органов — сердца и головного мозга — в момент, предшествовавший смерти? Третий: каково количество посторонней жидкости в легких утонувшего? Четвертый: каково содержание алкоголя в организме? И, наконец, пятый, выглядевший несколько необычно: учитывая состояние сердца и головного мозга, способен ли был утонувший в период последнего времени, непосредственно предшествовавшего смерти, двигаться самостоятельно?

Синельников пока не спешил признаться самому себе, что в уме его вырисовывается версия, вся правота или неправота которой определится ответом на третий и пятый вопросы.

Тяжко начинается денек, подумалось Синельникову, тяжким он и будет.

Елена Перфильева пришла без десяти девять. Она была такая же высокая и яркая, как и Мария Лунькова, чем-то на нее похожа, но заметно интеллигентнее. Серые глаза ее глядели прямо и строго.

— Что с отцом? — спросила она от порога.

— Вы садитесь. — Синельников пододвинул ей стул, она села. Он, стоя сзади и держась за спинку стула, сказал тихо: — Отец ваш утонул.

Она резко обернулась к нему, и он увидел, как побелело ее нежно-розовое лицо.

— Что?! Не может быть! — дрожащим голосом произнесла она, и это было похоже на то, когда люди в ужасе кричат шепотом.

— Сожалею, но это так. При каких обстоятельствах, я еще не могу вам точно сказать...

— Но где он? Где его... его тело? Его же нашли?

— Безусловно. И вам предстоит опознать труп отца. У вас в городе родные есть?

Она не плакала, но по всему ее лицу Синельников чувствовал, что с нею происходит нечто такое, чего не выглаголешь никакими слезами. Она, видимо, не расслышала его последних слов, и он повторил:

— Есть у вас в городе родные?

— Тетка, — ответила она. — Сестра отца.

— Она работает?

— Да... На текстильном комбинате.

— А фамилия?

— Степанова. Евдокия Антоновна.

— Адрес?

— На Панфиловской, дом четыре... Квартиру не помню...

Синельников записал и, поглядев на понуро сидевшую девушку, предложил:

— Знаете что, я сейчас вызову вашу тетю, и в морг вы пойдете вместе. Так, наверно, будет лучше?

— Наверно, — согласилась она с полным безразличием.

Синельников положил бумаги в сейф, запер его. — Вы посидите тут минут пять, я быстро все организую.

Захватив лист, на котором был записан составленный им вопросник для судебно-медицинской экспертизы, Синельников вышел в коридор и увидел Лунькову и Короткова. Они стояли у стены шага на три друг от друга и, видно, о чем-то разговаривали — о чем-то неприятном, судя по выражению лиц — но при его появлении умолкли.

Оба с ним вежливо поздоровались, а он попросил подождать минут десять.

Вернулся Синельников раньше и опять попросил Лунькову и Короткова подождать еще немного.

Елена сидела в той же позе, как он ее оставил.

Продолжение. Начало в № 1.

— За Евдокией Антоновной послали машину, — сказал Синельников и, помолчав, осторожно спросил: — Можно мне задать вам только один вопрос, Елена Александровна?

— Пожалуйста.

— У отца не было каких-нибудь неприятностей?

Он тут же выругал себя за бессердечность, потому что считал бессердечным в такие вот моменты спрашивать человека о вещах, касающихся криминальных дел (а в том, что здесь явный криминал, он уже не сомневался).

— Не знаю, — по-прежнему бесстрастно отвечала она. — В последнее время пил не в меру. С какими-то сопливыми девчонками гулял.

— Не будем об этом, извините, — сказал он.

— Простите... — Она замаялась на мгновение и спросила: — Могу его взять?.. Его тело...

— Разумеется. Завтра утром.

Главный свой вопрос к Елене Перфильевой — о чем говорила она со Славой, когда он приезжал к ней ночью на пятнадцать минут, — Синельников считал еще более несвоевременным. Он был очень рад, что его догадки насчет кощунственной игры Елены в незнание оказались неверными. Скорей всего Коротков не сказал Елене, что ее отец утонул.

...Привезли Евдокию Антонову Степанову. Это была женщина лет сорока пяти, полная, с добрым, даже каким-то простоватым выражением лица. Синельников обратил внимание, что поздоровалась она со своей племянницей довольно сухо, не породственному. Но ему было пока не до оттенков. Он отправил тетю и племянницу в морг и пригласил из коридора Марию Лунькову. Он не видел, какими взглядами обменялись Коротков и Елена Перфильева.

Сев напротив него к столу, Мария попросила разрешения курить и закурила сигарету. Она была свежа и подтянута, от вчерашнего — никакого следа. Наверное, сладко спала. Синельников позавидовал, на что способна молодость, хотя ему самому едва сравнялось двадцать семь.

Лунькова держала сигарету неизящно — в кулаке, как это делают тайком курящие мальчишки; она прятала свои ногти со странным коричневатым налетом.

— Хотите, погадаю? — спросил Синельников и улынулся.

Она была настроена дружелюбно и улыбнулась в ответ.

— Вы колдун?

— Не совсем, но могу спорить на коробку спичек, что вы на работе имеете дело с химикалиями.

Она посмотрела на ногти своей левой руки и даже покраснела. Но не обиделась, лишь сказала протязно:

— Ага-а, все я-ясненько...

— А где работаете?

Она кивнула на дверь.

— У него.

— То есть как? Он что, начальник ваш? И что за учреждение?

— Кустарь-одиночка. Оформляет колхозы-совхозы.

— Что значит оформляет? — Синельникову становилось все интереснее.

— Ну, доски почета, лозунги, стенды всякие. И декорации для клуба может. По трафарету и плакаты делает. Вообще большой мастер.

В голосе ее сквозила ирония, и это было Синельникову непонятно.

— А вы что делаете?

— Он фотографирует, я проявляю и печатаю.

— А лаборатория где?

— В Пескаревке, при клубе колхоза «Золотая балка».

— Туда ведь пятнадцать километров. На электричке добираться?

— Когда как. У него же машина.

— А почему вы сомневаетесь насчет его фамилии?

— Да не поймешь этого типа... Темнит... Один раз идем по улице, подходит дядька, солидный такой, говорит: «Здрасьте, Виктор Михалыч!» А какой он Виктор Михалыч?

— И давно вы у него?

— Второй год.

— А раньше что делали?

— Уч-лице закончила, медсестрой работала.

— А у него вы что же — на договоре?

— Какой договор! Двести в месяц отваливает. Без налогов. И на праздники по сотне. Жить можно. А у медсестер зарплата — не разъедешь. Бабка моя больше пенсию получает.

Синельникову захотелось сказать ей нечто нравоучительное — мол, теперешняя ее служба в стаж не засчитывается, а ведь надо думать о будущем, о старости... Но тут же ему самому стало смешно: разве может эта цветущая Манюня думать о собственной пенсии?!

Он резко повернул разговор.

— Слава с Александром Антоновичем вчера не ссорились?

Она пожалала плечами.

— Да нет вроде.

— А почему вроде?

Ее тонкие нарисованные брови чуть сдвинулись — это означало, что она нахмурилась. Тычком затушив в пепельнице окурок, она сказала:

— Конфискация... Я хотела конфисковать у Нинки «Наполеона»...

Это было как будто ни к селу ни к городу, но у Синельникова что-то екнуло в груди. Он спросил с несколько напускным недоумением:

— При чем здесь конфискация?

— Понимаешь... — Она прищелкнула досадливо пальцами и поправила: — Понимаете, Славка на Сашу чего-то бочку катил, а Саша сказал про какую-то конфискацию, и тогда я предложила взять у Нинки бутылку. Она одна из нее пила...

Он видел, что Мария Лунькова не то чтобы волновалась — она просто очень горячо вновь переживала вчерашний день. Сама того не подозревая, она давала Синельникову такие сведения, что он готов был расцеловать ее...

Чтобы немного ее остудить, он задал вопрос проще:

— А Нинка — это кто?

— Виля подруга, который на автобазе заворачивает.

— Припомните, пожалуйста, Мария... Вот прибежали вы на поляну, сказали компании, что Перфильеву плохо... Короткова там не было. А когда же он появился? И откуда?

Она подумала немного.

— Ну, тут же и появился. Из кустов.

— Что значит тут же? Через минуту, через две?

— Там же у нас крик был на лужайке... Не помню...

Пока я рассказывала...

— Но с вами же тоже было плохо, вас минеральной водой отливали.

— Было дело, — мрачно согласилась она.

— А Коротков появился, когда вы уже в себя пришли?

— Ну да.

Значит, прикинул Синельников, Слава появился на поляне не менее как на пять минут позже Луньковой. А ей потребовалось на то, чтобы прийти с пляжа, две минуты — приблизительно столько прошло времени с мгновения, когда остальные услышали отдаленный крик. За пять минут много можно успеть, если человеку двадцать девять и он атлетического сложения...

— Вы вчера, когда мы ездили на место, говорили, что Перфильев упал и закричал, словно его ножом ударили. Вы не пробовали его поднять?

— Что вы?! — У нее даже округлились глаза от такого немыслимого предположения. — Он двигаться

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

не мог. У него, наверно, инфаркт был. Я как-никак медучилище кончала.

В последний ее слова звучала некая легкая оскорбленность, и это понравилось Синельникову.

— Ну, хорошо, Мария, на сегодня хватит. Я вас еще позову.—Он подписал ей пропуск и добавил:—Поставьте в двести второй комнате печать.

Когда она уже подошла к двери, он сказал:

— Между прочим, служба ваша у Короткова может и прекратиться.

Она сделала презрительный жест и ответила, не оборачиваясь:

— Подумаешь! Без работы не останусь. Медсестры нарасхват. Могу и на две ставки устроиться.

— Счастливый человек. Ну ладно, позовите его сюда.

Открыв дверь и выйдя в коридор, она молча показала Короткову рукой—дескать, просят.

Коротков был хмур, но вполне спокоен. Правда, по его лицу можно было заключить, что спал он эту ночь в отличие от Марии Луньковой несладко, если вообще спал.

— Знаете, Владислав Николаевич, диковатая мысль у меня возникла,—сказал Синельников словно бы в раздумье. И, закурился, продолжал:—Друзья ваши, Румеров и Максимов, гуляли вчера от души. А вы ни капли в рот не взяли. Обидно, а? Лучше бы вам выпить.

— Не злоупотребляю. Я за рулем.

— Все мужчины были с такими красивыми женщинами, а вы без...

Синельников замолчал, решив молчать до тех пор, пока не заговорит сидевший перед ним самоуверенный, красивый и, судя по всему, весьма деловой и неглупый человек. Синельников, собственно, высказал сейчас вслух то, что подслушно служило исходной точкой складывавшейся у него версии. И сделал он это умышленно. У Короткова хватит сообразительности понять, к чему все это клонится. Синельников ставил ловушки. Если его версия верна, то Коротков в эту минуту должен выработать для себя линию поведения: как реагировать на открытый ход? Сам Синельников ничем не рисковал, так как было совершенно ясно, что при любом варианте прямых улики в доказательство своей версии ему не добыть, а получению косвенных Коротков помешать не сможет.

Синельников, несмотря на молодость, имел уже некоторый опыт и знал цену молчания на допросах. Он даже развивал перед товарищами полушутя-полусерьезно идею шкалы, по которой можно с большой

точностью определять, насколько успешно идет дознание. Не отвечает допрашиваемый на ключевой вопрос, скажем, тридцать секунд—значит, ты на правильном пути. Отвечает, не задумываясь, через две секунды—твой путь сомнителен.

Он докурив сигарету—стало быть, прошло не менее минуты, а Коротков все сидел, как прежде, закинув ногу за ногу и сцепив пальцы на колене, и глядел на черный пластмассовый стаканчик, из которого торчали давно не чиненные карандаши, стоявший на столе Синельникова. Выражение лица его нисколько не изменилось, разве что чуть прищурились глаза.

Если рассчитывать по мифической шкале, то Коротков изобличал себя на сто двадцать процентов, но он, кажется, вообще не собирался рта раскрывать.

— Что же вы молчите?—наконец не выдержал Синельников.

— А вы меня ни о чем не спрашивали,—по-прежнему спокойно ответил Коротков.

Но Синельников все же уловил в его тоне, что не просто так он молчал: он раздумывал над предыдущими словами, и не напрасно раздумывал. И смысл их понял.

— Тогда ответьте на несколько вопросов. По возможности правду.

— Охотно.

— Все-таки отдавали вы Луньковой деньги Перфильева или нет?

— Отдавал.

— Почему вчера говорили—нет?

— Растерялся... Все-таки деньги... Мало ли что...

— Почему ей?

— Она их заслужила.

— У Перфильева есть дочь.

Тут Коротков опять задумался, но ненадолго.

— Простите, не знаю, как к вам обращаться,—сказал он.

— Меня зовут Алексей Алексеевич.

— Видите, какое дело, Алексей Алексеевич... Мы, конечно, с Леной знакомы, но как бы это вам сказать...—Он, казалось, подыскивал подходящие выражения, но Синельников отлично видел, что не в выражениях суть. Просто Коротков не заготовил ответа на этот вопрос.

— Ну-ну, вы знакомы—и что?

— Как бы я ей объяснил, откуда у меня отцовы деньги?

Это было крайне неубедительно.

— Вы не имели права брать ни деньги, ни блокнот.

Коротков изменил позу, сел прямо.

— Виноват, Алексей Алексеевич. Не сообразил.—Самоуверенности у него заметно поубавилось, но смирение было неискренним.

— Чем вы занимаетесь?—смягчая тон, спросил Синельников.

— Я художник. У меня договоры с колхозами. Наглядная агитация, декорации и прочее. Все совершенно законно, есть соответствующие документы.

— Но официально где-нибудь числитесь?

— На профсоюзном учете состою в Худфонде РСФСР.—И, усмехнувшись, Коротков прибавил:—Взносы плачу аккуратно.

— Это как понимать—Худфонд?

— Художественный фонд РСФСР. Раньше я работал в издательстве. Четыре года.

— А вы имеете право нанимать рабочую силу?

Коротков смутился, но как-то деланно.

— Нет-нет... Но Маша меня просила... Умоляла... Понимаете...

— А почему вы думаете, что она купила Перфильева?

Этого вопроса Коротков, кажется, вообще не ожидал. Он передернул плечами, лицо его на секунду стало злым.

— Вот балаболка!—И голос его тоже звучал зло.—Она же дура набитая!.. Шутил я, понимаете? Шутил... Ну зачем ей Сашу топить?! Он же ее любил, понимаете?

— Хорошо, не будем трогать эту тему,—великодушно помог ему Синельников.—Сегодня я вас больше затруднять не буду, но вот какая штука. Вы должны быть в городе, потому что можете в любой момент понадобиться нам. Я могу, конечно, оформить в прокуратуре подписку о невыезде, но, по-моему, это лишнее. Лучше так договориться, по-джентльменски. Вы как думаете?

— По-моему, тоже,—заметно огорченный словами о невыезде, совсем уже смиренно согласился Коротков.—Но мне, видите ли, необходимо раза два-три съездить в колхозы. Обязательства...

— Это не возбраняется. Только, будьте любезны, сообщайте, где вас искать... И потом, у вашей машины, кажется, левой фары нет?

— Я уже договорился, поставят.

— А зачем сказки насчет Худфонда?—спросил Синельников.—Там вы не числитесь. Вы же работаете в артели, в бытовом обслуживании.

Коротков посмотрел на него как бы издалека.

— Я подал в Худфонд заявление.

— Но вас, наверное, не приняли?
Коротков ничего не ответил.
Синельников записал на бумажке свой телефон, дал Короткову и с тем отпустил его. Как часом раньше он не спросил Елену Перфильеву о ночном визите, так теперь счел неуместным спрашивать об этом самого Короткова, но совсем по иным соображениям. Он оставил это впрок, до более подходящих времен...
Без четверти десять показывали часы, а у него уже столько навертелось в голове, что пора было менять ритм. Но сначала требовалось повидать начальство. Начальник отдела оказался на месте. Синельников доложил о происшедшем, поведал о своих сомнениях и подозрениях, о том, что делал и что собирался предпринять. Андрей Сергеевич одобрил, сказал: «Тянешь нитку — тяни»...
Теперь оставалось два неотложных дела, а потом можно будет засесть за изучение записной книжки.

Комиссия, где работал Перфильев, располагалась в здании рядом с общеполкомом. Синельников отправился туда пешком и прибыл удачно: через пятнадцать минут там должно было начаться совещание.

Начальница Перфильева, седая дородная женщина со строгим озбоченным лицом, приняла Синельникова без промедления. Услышав о трагическом происшествии, она всплеснула руками и жалостно запричитала: «Ах, Александр Антонович, Александр Антонович, бедная головушка! Так и не оправился...» Синельников в деликатной форме поинтересовался, от чего должен был оправиться, но так и не оправился Перфильев. И она объяснила, что три года назад у Александра Антоновича умерла жена, в которой он души не чаял, которую боготворил. Да ее и весь город любил, разве он, Синельников, ее не знал? И тут он вспомнил, откуда ему знакома эта фамилия. Перфильева была заведующей кафедрой в технологическом институте, доктором наук, ее дважды избирали депутатом областного Совета. И действительно ее знал и любил весь город.

Однако для сетований не оставалось времени: надвигалось совещание. Что касается круга обязанностей Перфильева, начальница сказала, что их было много, может быть, даже слишком много. Она их перечислила, и Синельников выделил для себя тот факт, что Александр Антонович имел самое непосредственное отношение к распределению фондируемых товаров и материалов, в частности строительных, в частности же таких дефицитных, как кровельное железо. И автомобили, предназначенные для продажи передовикам сельского хозяйства, тоже подлежали его контролю. Второй раз за это утро услышал он слово «фонд».

Когда Синельников покидал кабинет начальницы, она еще при нем вызвала секретаршу и начала давать указания насчет похорон Перфильева...

Он зашел в кафе, съел яичницу и выпил стакан чаю. Было двадцать минут одиннадцатого. Ему не терпелось пойти к патологоанатому, но тот наверняка еще не успел закончить свою работу. Поэтому Синельников вернулся к себе, достал из сейфа записную книжку Перфильева и сел в старое, довоенного фасона мягкое кресло.

Каждый раз, когда ему приходилось разбираться в бумагах и бумажках, принадлежавших преступнику или пострадавшему, он испытывал странное чувство. Тут было что-то и от стыда, с которым человек, мнящий себя порядочным, не устояв перед непреодолимым искушением, решает прочесть чужое письмо. Но больше это походило на чувства историка, заполучившего в архиве древние рукописи, к которым до него никто еще не прикасался.

Перфильев, наверное, носил в кармане свою записную книжку очень давно. Зеленая на корешке и по краям вытерлась с сафьяна. Листки, помеченные буквами алфавита, были сплошь заполнены именами, телефонами и адресами, только на последних буквах — у, ф, х, ц, ч, ш, щ, э, ю, я — странички остались полупустыми. Против многих фамилий нарисованы крестики — две горизонтальные черты, одна кося — изображение крестов, какие ставят на православных кладбищах. Можно было догадаться, что владелец книжки отмечал таким образом своих умерших знакомых. Но не зачеркивал...

За алфавитом шли листки без букв, составлявшие половину толщины всей книжки, и на них Синельников обнаружил кое-что интересное. Две странички заполнены непонятными записями, расположенными столбиками: заглавные буквы — одна, две, а иногда и три, потом черточка и потом числа, все трехзначные. Покойный Перфильев обладал каллиграфическим почерком, буквы были выведены очень красиво. Некоторые заключены в кавычки.

Судя по тому, что цвет пасты — Перфильев пользовался шариковой ручкой — несколько раз менялся, записи были сделаны не в один присест, а велись на протяжении долгого времени.

Всякий, кто увидит такие записи, без сомнений решит, что это карманный бухгалтерский счет, а еще точнее, левая сторона, дебет счета. Скорее всего, хозяин книжки фиксировал какие-то поступления от

лиц, а может, и от организаций. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, какое значение могут приобрести эти каллиграфически исполненные буквы и цифры, если их расшифровать.

Простейший ряд: фондируемые материалы — дефицит; Перфильев ведал ими; есть много людей, которые ради получения дефицита готовы на любые услуги; Перфильев пользовался своим служебным положением.

В этот ряд вполне естественно мог вписаться и Владислав Коротков. Иначе к чему бы ему брать записную книжку?

А с другой стороны, что могло соединить какого-то залетного оформителя колхозных стендов двадцати девяти лет от роду и сотрудника комиссии, которому пятьдесят один?

Это настало же не в порядке вещей, насколько необычно выглядит на зеленой траве белая крахмальная скатерть. Не всем по карману уставлять ее дорогами винами и закусками, однако там, на берегу реки Маленькой, веселая компания стелила же скатерть на траву...

Синельников выписал на отдельный лист в два столбика заглавные буквы из книжки Перфильева — у него это получилось не так красиво, зато компактно, можно было охватить единым взором все вместе. Он бегал глазами по столбикам сверху вниз и снизу вверх, как по лесенкам, и вылавливал одинаковые ступеньки.

Сами собой выделились два повтора — С и «ЗБ». Буква «С» повторялась восемь раз, «ЗБ» — три. Мария Лунькова говорила, что лаборатория Короткова находится при клубе колхоза «Золотая балка». И кавычки к месту. А не означает ли «С» — Слава Коротков?

Чтобы проверить эту элементарную догадку, Синельников поискал «ВР» и «ВМ» — Вильгельма Румерова, главного инженера автобазы, и Владимира Максимова, директора кинотеатра, и нашел их.

Против «ЗБ» во всех трех строчках стояли одинаковые цифры — 500. Против «С» разные — от 300 до 900. «ВР» и «ВМ» присутствовали по одному разу, и против них значились цифры 400.

Если все верно, то в пору было возглашать славу педантичности покойного Перфильева. Но это надо проверить, и Синельников решил действовать немедленно. Позвонив Румерову, он попросил его срочно приехать.

Тот явился скоро, вошел в кабинет с искательной улыбкой.

— Вильгельм Михайлович, вспомните, пожалуйста, когда вы передали Перфильеву четыреста рублей, — без предисловий начал Синельников.

Румеров перестал улыбаться. Состояние, в которое он мгновенно впал, Синельникову доводилось наблюдать при дознании много раз, и он почему-то всегда сравнивал это с состоянием мыши, которой внезапно показали kota. И всегда сочувствовал мыши, но что тут поделаешь? Можно только дать ей собраться с духом.

Долго собирался с духом Румеров, а когда пришел в себя, то сказал своим тонким, не по комплекции голосом:

— Если не ошибаюсь, в сентябре прошлого года. Но не четыреста, а шестьсот.

— Какого числа?

— Простите, вот этого не могу точно сказать.

— А за что? Только прошу, не говорите, что отдавали долг.

Румеров, опять помолчав, признался:

— За машину.

— Максимов заплатил столько же?

— Да.

— Тогда же?

— Немного раньше.

— А отдавали Перфильеву из рук в руки?

— Нет, что вы! Мы давали Славе.

— Сейчас составим маленький протокол, и вы свободны, — сказал Синельников. — Но одно условие: никому ни слова.

— Ну что вы! Как можно?! Я все понимаю.

Подписав протокол, вконец расстроенный Румеров ушел, а Синельников отправился к начальнику отдела.

Андрей Сергеевич выслушал его и сказал:

— Знаешь что, инспектор Алексей, нам эту кашу и в семь ложек не расхлебать. Выходы будут...

Он по внутреннему телефону позвонил начальнику отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Тот сказал: «Прошу», — и они поднялись к нему, на третий этаж.

Уяснив суть дела, начальник ОБХСС вызвал своего сотрудника Ковалева, которого Синельников часто встречал в управлении, но знакомства они не водили.

Договорились так. Ковалев с помощью опытного ревизора займется проверкой отчетности, связанной с деятельностью бывшего сотрудника комиссии Перфильева, и вообще всем, что имеет отношение к распределению фондов, а Синельников будет разра-

батывать свою версию и вести дознание по линии Перфильев — Коротков — Румеров — Максимов.

Синельников с Ковалевым вместе спустились в буфет, поели и вышли во двор покурить. Синельников рассказал Ковалеву кое-что поподробнее, и они расстались, условились каждый день поутру обмениваться добытыми сведениями.

— Жалко, завтра пятница, — сказал на прощание Ковалев.

— Да, придется пару деньков позагорать...

Был третий час. Синельников прикинул: теперь уже можно, пожалуй, и к патологоанатому. И пошел в морг.

Поздоровавшись с Евгением Исаевичем — тот из-за стеснительности никому никогда не протягивал руки, — Синельников спросил, как дела с Перфильевым.

— Немного хуже, чем у нас с вами, — сказал старик хрипловатым баском и, как бы извиняясь за непервосортную шутку, поспешил прибавить: — Я имею в виду, милый Алексей Алексеевич, что, если бы он и был еще жив, то ему не позавидовал бы, представьте, никто.

— Почему так, Евгений Исаевич?

— Я ответы на ваш вопросик еще не писал, но я его помню. Вы ведь ради этого меня навестили?

— Конечно.

— Ну так вот, могу ответить устно. Умер Перфильев, попросту говоря, оттого, что захлебнулся, совсем немного захлебнулся, может быть, всего от одного вдоха. Про мозг ничего пока сказать нельзя, нужно произвести гистологическое исследование, а что касается сердца, то могу утверждать совершенно определенно: у него непосредственно перед смертью случился обширный инфаркт задней стенки левого желудочка.

— Интересно, интересно.

— Да, так вот. Посторонней жидкости, то есть речной воды, в легких было совсем мало. Он ведь сделал, по-видимому, всего один вдох, да и то поверхностный... Да... А насчет того, мог ли он самостоятельно двигаться в момент, предшествующий смерти, должен вам сказать, милый Алексей Алексеевич, что в таком состоянии человеку не то что двигаться, а и вздохнуть трудно... И больно... Он же испытал кинжальную боль.

Синельников вспомнил рассказ Марии Луньковой, ее слова о том, что Перфильев закричал так, словно его ударили ножом.

— Это что, термин такой — кинжальная боль? — спросил он.

— Ну, термин не термин, а у нас так принято говорить.

— Вы забыли об алкоголе, — сказал Синельников, наперед зная, что ничего Евгений Исаевич не забыл, а просто желая немного подыграть старику, не упускавшему случая показать и защитить свой высокий профессионализм.

— Я ничего никогда не забываю, — так и ответил Евгений Исаевич. — Послал в лабораторию на анализ.

— Спасибо большое. — Синельников обоими руками взял его правую руку и пожал ее.

— Не за что, милый, не за что. Будьте здоровы. А бумажку я пришлю, как только принесут анализ.

— Будьте здоровы, Евгений Исаевич.

Уходя, Синельников имел право быть довольным собою. Его версия начала обретать прочную опору — по крайней мере со стороны судебной медицинской экспертизы.

Сегодня ему ничего нового предпринять не удастся, да и хватит на сегодня. Надо подробно поговорить с дочерью и сестрой Перфильева, но это невозможно, пока они не похоронят его. А теперь для Синельникова самое важное — как можно больше узнать о том, каков он был при жизни, как прожил последние свои три года.

Глава 4

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ANTOHOVИЧА

1. Рассказывает сестра

Вы представляете, как это больно, когда вдруг перестаешь узнавать родного брата? Вот был человек, ты считала его верхом совершенства, преклонялась перед ним, и на твоих глазах он превращается в существо, совсем чуждое твоему идеалу, самому себе противоположное... А ведь я на шесть лет моложе Саши, он всегда был для меня идеалом... Пожалуй, я его считала скорее отцом, чем братом. Отец наш погиб на войне. В сорок пятом мне было восемь лет, а Саше четырнадцать, он в ремесленном учился и уже что-то там зарабатывал. Но не в этом дело. Он, например, задачки мне решать помогал, домашние задания, а я, сказать по правде, была в математике порядочная bestoloch. Ему ребята со двора свистят, а он не уйдет, пока все мне не растолкует. И никогда не воспитывал, не наставлял и подзатыльников не давал. Просто я с ним одним воздухом дышала, и это

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

«ВНАЧАЛЕ УМИРАЕТ ЛЕС...»

На 160-метровой трубе электростанции в кельском пригороде Фриммерсдорф появился транспарант, поднятый участниками группы гражданской инициативы в защиту окружающей среды. Текст: «Остановите кислотный дождь!»

По данным официальной статистики, из семи миллионов гектаров леса, покрывающих около трети территории ФРГ, на двух миллионах гектаров деревья смертельно отравлены или погибли. Лес умирает под воздействием 18 миллионов тонн ядовитых веществ, выпадающих на территорию ФРГ в год. — основная вина за это возлагается на крупные предприятия, избегающие ассигнований на установки по обезвреживанию отходов производства.

«Вначале умирает лес, потом умирают люди», — говорится в листовке, распространяемой защитниками природы.

«ШТЕРН», ФРГ

ВСЛЕПУЮ — ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Далеко не всякий даже самый опытный «морской волк» отважится пересечь в одиночку на лодке открытое море. Но то, что проделал американец Хэнк Деккер, поистине удивительно. В свое время он плавал матросом, однако трагическое обстоятельство — полная потеря зрения в результате заболевания глаукомой — заставило его сойти на берег. И вот теперь он решился на, казалось бы, безрассудный шаг — пересечь без чьей-либо помощи Тихий океан.

И Деккер осуществил свою дерзкую мечту, благополучно добравшись от Сан-Франциско до Гавайских островов. Расстояние в 2225 миль он покрыл за 25 суток. Конечно, его яхта «Темная звезда» была оборудована специальными навигационными приборами. Эти приборы, по которым Деккер сверял и корректировал свой курс, наносили нужные данные на бумажную ленту в виде знаков по системе Брайля, которой повсеместно пользуются незрячие люди. Кроме того, отважный мореход ориентировался и «по слуху» — с помощью системы усилителей, позволявших ему своевременно узнавать о проходящих мимо его яхты океанских судах.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Вулканы Африки

На территории африканского континента насчитывается девять тысяч вулканов, причем многие из них имеют интересные характеристики. Например, кратеры вулканов, находящихся в Камеруне, Заире, Алжире и на Мадагаскаре, имеют у основания диаметр 30 километров, а застывшая на их склонах лава — полихромная (многоцветная). Вулканы Африки относительно молоды: их возраст колеблется от 20 до 30 миллионов лет, поэтому потенциально возможно извержение каждого из них. «Молодость» вулканов может служить важным источником энергии. На глубине 70 километров под земной мантией температура — на уровне 2000°C. Тепловая энергия может быть преобразована в электрическую: специалисты подсчитали, что ежегодно вулканы Африки могут давать 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

НЕОБЫЧНЫЙ «АВТОГРАФ» РАФАЭЛЯ

Известная картина Рафаэля «Форнарина», находящаяся в художественной галерее Барберини, была подвергнута в профилактических целях специальному облучению. Реставраторы никак не ожидали увидеть при этом отпечатки пальцев великого живописца эпохи Возрождения, который, видимо, перенося только что написанное полотно, оставил таким образом своеобразный «автограф». Открытие послужило поводом для обследования и других картин — это особенно важно для идентификации полотен, авторство которых сопровождается в каталогах знаком вопроса.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Работайте — на здоровье и для здоровья...

В результате длительного изучения сердечно-сосудистых заболеваний у домохозяек и работающих женщин группа врачей университета Сан-Антонио в штате Техас пришла к выводу, что первая категория женщин больше подвержена этим заболеваниям. Оказалось, что работающие вне дома женщины имеют более низкий уровень триглицеридов и более высокий уро-

вень липопротеинов «НДС», которые являются своеобразным щитом против сердечно-сосудистых заболеваний. Можно сказать, что женщины, занятые на производстве, менее восприимчивы к «сердечным» недугам, чем домохозяйки. Так что предлагается вывод: хотите быть здоровыми — работайте, но подальше от дома...
«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

ПЕРНАТЫЕ РЕКОРДСМЕНЫ

Самая быстрая в мире птица — сапсан, разновидность сокола. В 1963—1967 годах при помощи электронного оборудования была замерена скорость его полета. Оказалось, что при угле наклона в 45 градусов сапсан может развить скорость до 350 километров в час. Однако и это для него не предел. Атакуя в вертикальном падении свою жертву с высоты в полтора километра, он способен лететь со скоростью свыше 380 километров в час. Зато при горизонтальном полете сапану неподвластны даже 100 километров. По крайней мере высший зафиксированный результат — это 96 километров. Белоголовый иглохвостый стриж, обитающий в Азии, обгонит сапсана игроками — его рекорд превышает 170 километров.

«КНИГА РЕКОРДОВ ГИНЕССА», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

В компании убийц

В журнале министерства обороны ФРГ «Хеер» («Сухопутные войска») хауптфельдфебель бундесвера Альберт Швенклер восхищенно поведал: «В Сантьяго можно не беспокоиться о том, как провести свободное время. Зимой можно покататься на лыжах в близлежащих горах или просто совершить прогулку в горы, а можно выехать на Тихоокеанское побережье с его прекрасными пляжами...»

Сантьяго, о котором говорит Швенклер, — это столица Чили, страны, где уже десять лет правит одна из жесточайших военных диктатур, где тысячи людей брошены в концлагеря и подвергаются самым изощренным пыткам, где тысячи ни в чем не повинных людей гибнут и исчезают бесследно. А хауптфельдфебель Швенклер чувствует себя уютно в компании убийц. Он руководит канцелярией посольства ФРГ и работает с «предложениями, пожеланиями и просьбами военного ведомства».

Большинство государств мира осудили кровавый режим в Чили, однако ФРГ и бундесвер находят возможным не только поддерживать, но и расширять свои связи с кликой Пиночета.

«ЭЛАН», ФРГ

ПО СЛЕДАМ ВИКИНГОВ

Смелый эксперимент готовятся провести норвежские ученые. Они намерены в будущем году обойти земной шар на судне, в точности воспроизводящем корабли древних викингов. Судно сооружено по образцу ладьи, хранящейся в Датском музее викингов. Его длина — 16,5 метра, ширина — 4,8 метра. Первые испытания судна уже прошли, и весной 1984 года предполагается начать операцию «Викинг». Она рассчитана на два года и ставит целью доказать, что древние мореходы из Скандинавии совершали дальние путешествия к Фарерским островам, к берегам Исландии, Гренландии и даже Америки.

«ТАЙМ», США

ШАГАЯ ПО ВОДЕ...

Неподалеку от сицилийского порта Марсала расположен остров Сан-Панталео. Отсутствует мост, нет плотины, но между тем сообщение между побережьем и островом довольно оживленное: повозки, всадники, автомашины и пешеходы движутся... прямо по воде. Загадка проста: дело в том, что дорога все же существует. Она построена финикийцами еще в пятом веке до нашей эры. В стародавние времена путь, естественно, пролегал по суше, однако со временем почва осела, хоть и не намного — всего на несколько сантиметров. Дорога превратилась в своего рода «под-над-водную» магистраль, что не мешает ей служить людям.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

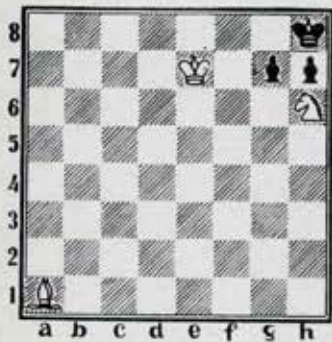
28

26 Шахматная Олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора Чепижного

Осторожно — пат!

В шахматных задачах пат является одним из распространенных и действенных ресурсов защиты, особенно в задачах-миниатюрах. В подобных композициях белые избегают патовых ловушек обычно путем самоуничтожения отдельных своих фигур, скрывая от черных. Простейшим примером может служить известная задача классика отечественной композиции, большого мастера шахматной миниатюры Александра Галицкого.

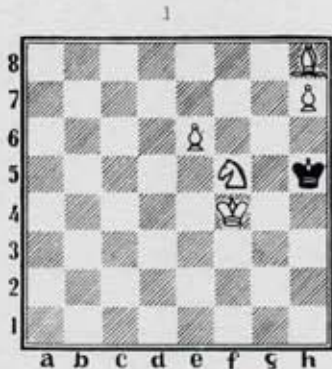
Мат в 3 хода

Уже в начальном положении черным нечем ходить, они запатованы. Эффектным вступительным ходом 1. Cf6! белые выпускают на свободу черную лешку f6, а затем

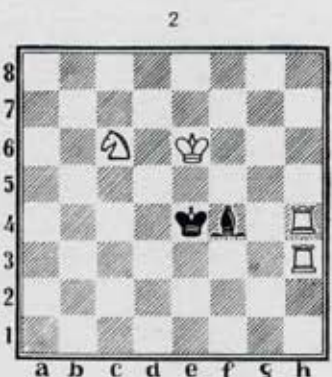
опять берут черного короля в тиски — 2. Kpf 8, и мат 3. Kf7x становится неизбежным.

Содержание сегодняшних заданий несколько сложнее данного примера. Поэтому, даже получив «ключ» к ним, читателям интересно будет уточнить некоторые детали решения.

Второй тур

Белые: Kpf4, Ch8, Kf5, pp. e6, h7 (6)
Черные: Kph5 (1)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (1 балл)

Белые: Кре6, Лh3, Лh4, Кс6 (4)
Черные: Кре4, Cf4 (2)

Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 2-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 марта (по почтовому штемпелю).

2 Шашечная Олимпиада

Под редакцией мастера Виктора Крамаренко

В редакцию пришли письма с вопросом, можно ли участвовать в олимпиаде только по одному виду шашек.

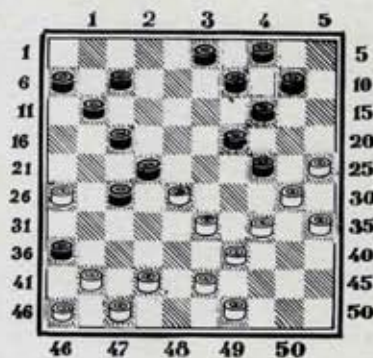
Олимпиада проводится в 14 туров. Семь туров по русским шашкам и семь по международным. Читатель вправе сам выбрать любой вид шашек или принять участие во всех 14 турах.

Напомним, что от русских шашек международные отличаются тремя правилами:

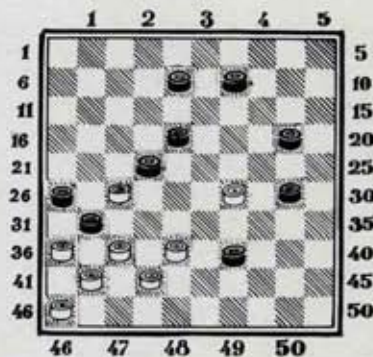
- Правило большинства:** при нескольких возможностях взятия (боя) обязательно бить так, чтобы с доски снималось наибольшее количество шашек (дамек).
- Если шашка в процессе взятия достигнет дамочного поля и дальше ей бить как простой нечего, то она останавливается.** Бить дальше как дамка она имеет право только после ответного хода противника.
- Если шашка в процессе боя достигнет дамочного поля и имеет возможность продолжать бой по правилам простой шашки, то она обязана это сделать и остается простой.**

Второй тур

1. Али Абидин (Мауритания). Публикуется впервые

2. В. Муляр (Хмельницкая область). Публикуется впервые

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла).

3. «Шашечная игра — мать шахматной, и достойная мать». Это — высказывание известного шахматиста. Назовите его фамилию (2 балла).

Ответы на задание второго тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 2-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 марта (по почтовому штемпелю).

К Р О С С В О Р Д

Составил М. БАСОВ, Москва

По горизонтали:

- Причальный речной пункт.
- Лесная ягода.
- Ученица.
- Ученый, изучающий водное пространство Земли.
- Русский напиток.
- Защитник, покровитель.
- Глубокая рытвина.
- Участник боя быков.
- Мелкая морская рыба.
- Советский художник-пейзажист.
- Способность растений переносить зимнюю стужу.
- Полет на аэроплане.
- Отборные войска.
- Трава, выросшая после покоса.
- Известная советская пианистка-педагог.
- Музыкальный инструмент.
- Специалист в области теплотехники, электротехники.
- Одна из основных наук.
- Советский гроссмейстер.
- Великий русский поэт.
- Жители областного центра РСФСР.
- Собрание пластинок, магнитофонных записей.

По вертикали:

- Мера веса.
- Стихотворная строфа с законченным смыслом.
- Рисованная начальная буква главы в книге.
- Часть жидкости, отделяющаяся при дробной перегонке.
- Свод правил.
- Дикая утка.
- Историческая провинция на севере Франции.
- Отклонение от нормы, закономерности.
- Чертежный измерительный инструмент.
- Бесплодные, никчемные разговоры.
- Самоходная подъемно-транспортная машина.
- Нарушение созвучия, негармоничность.
- Советский скульптор, автор памятника В.И. Ленину в деревне Кашино.
- Город на севере Дании.
- Революционный гимн польского и русского пролетариата.
- Советский актер театра и кино.
- Семья итальянских мастеров смычковых инструментов.
- Трагедия Софокла.
- Роман Ж. Санд.
- Древнеримский оратор и писатель.
- Левый приток Тобола.
- Приспособление, защищающее руку древнего воина от пробивающих щит ударов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

- Призрак.
- Жерико.
- Ретина.
- Баклага.
- Ателье.
- Квартал.
- Дружина.
- Кварта.
- Хоппер.
- Магма.
- Пирамида.
- Пародист.
- Распе.
- Чечевица.
- Кринолин.
- Лавис.
- Антсла.
- Матади.
- Темпера.
- Портал.
- Лангет.
- Антраша.
- Нитрон.
- Графин.
- Терцина.

По вертикали:

- Тинктура.
- Организм.
- Вертов.
- Филлер.
- Победа.
- Крап.
- Отступ.
- Эврике.
- Ксилема.
- Анапест.
- Трицикл.
- Окраина.
- Подвода.
- Россины.
- Марал.
- Гусев.
- Алекс.
- Арматура.
- Итерация.
- 34.
- Неодим.
- Сатурн.
- Атлант.
- 37.
- Малага.
- 38.
- Тоннаж.
- 39.
- Доение.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.12.83. Подписано к печати 20.12.83. А 02830. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 73. Заказ № 1851. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Мне самим доволен себе
спасибо, и мне
и лучше работать ой совсем
травме — усердно работаю над собой
Терпение, вера и труд — вот
что делает из нас чемпионов»
Мальцев

АЛЕКСАНДР МАЛЬЦЕВ

Анатолий Владимирович Тарасов сказал о нем однажды: «Мальцев — хоккейный Есенин». Воспользуемся этим ключом к пониманию истоков неувыдающего мастерства 34-летнего нападающего — девятикратного чемпиона мира и двукратного победителя Олимпиад.

— Стихи писать я, увы, не умею, — признается Александр. — Но поэзию любил всегда и стремился найти ее в хоккее. Почему среди наших преданных болельщиков немало известных поэтов? Наверное, потому, что их вдохновляет страстная борьба на ледяной площадке, непримиримое столкновение сильных мужских характеров. Сопереживание трибун — вот главная для меня награда. А если ты чувствуешь, что больше не способен своей игрой взволновать людей, — значит, настало время уходить...

Игра Мальцева волнует сердца болельщиков уже пятнадцать лет. В 1969 году Александр дебютировал в сборной СССР. Ему тогда едва исполнилось девятнадцать. А год спустя в Стокгольме молодого форварда признали лучшим на чемпионате мира и Европы. Мальцев играл в команде Фирсова, Старшинова,

Викулова, и то, что его восходящая звезда в таком созвездии оказалась самой яркой, красноречиво говорит о самобытном таланте Александра. Там, в Стокгольме, журналисты окрестили его «уральским самородком»: ведь с того дня, когда юный Саша Мальцев приехал из Кирова-Чепецка в столицу, прошло всего три года...

Мальцев — весельчак, остролов, и его неиссякаемый оптимизм идет от безграничной веры в силу своего таланта. Собираясь в Москву, Саша мечтал стать вторым Бобровым. Возможно ли при сегодняшнем развитии футбола и хоккея снискать одновременно лавры там и там? Считается, что невозможно. «А все-таки было время, когда сам Константин Иванович Бесков настойчиво уговаривал меня перейти в динамовскую футбольную команду!» — не без гордости вспоминает Александр. Выходит, мальцевский талант действительно многогранен.

Ему было суждено сполна раскрыться на ледяной площадке: Мальцев попал к Аркадию Ивановичу Чернышеву — педагогу, который более всего ценил в хоккеисте индивидуальность и потому с

отеческой заботой опекал каждого способного спортсмена. Защитник Валерий Васильев мне рассказывал: «Аркадий Иванович предоставлял Мальцеву большую самостоятельность на тренировках, позволял ему изобретать собственные упражнения. Саша — натура поэтическая, мятущаяся, непостоянная, а у людей такого склада монотонный труд нередко убивает вдохновение».

Мальцев же всегда играет с вдохновением. Поэтичность его природы особенно ярко проявляется в том, что форвард

инстинктивно избегает шаблонных ходов, трафаретных комбинаций. Его игра непредсказуема для соперников. И потому уже само присутствие Мальцева на площадке держит в постоянном напряжении даже самых опытных вратарей. В том числе и Владислава Третьяка, который как-то после матча ЦСКА с «Динамо» сказал, что лучше бы ему всегда играть в одной команде с Александром...

Бывало, что уж греха таить, и такое, когда мятущаяся натура молодого форварда заводила его слишком далеко, особенно за пределами площадки. А вольности, которые порой дозволены поэтам, непозволительны хоккеистам. К счастью, наряду со школой Чернышева Мальцев прошел и школу Тарасова. Умение полностью подчинять себя работе, беспощадно изживать собственные слабости и недостатки Анатолий Владимирович приравнивал к таланту.

Четырнадцать лет играет Мальцев в сборной и каждый год в новых сочетаниях. Мы попробовали вместе подсчитать, сколько партнеров у него уже сменилось, и сбились со счета на втором десятке... Многие знатоки хоккея по этому поводу рассуждают о неувеселении динамовского капитана. Но вот что говорит Александр:

— Это же великое счастье — хоть немного поиграть рядом с такими выдающимися мастерами, как Фирсов, Викулов, Якушев, Харламов, пройти у них бесценную школу. Новые партнеры не позволяли останавливаться на достигнутом. Чтобы приспособиться к каждому из них, мне приходилось постоянно что-то выдумывать, искать, обогащать свою игру.

А сколько известных мастеров богатством своей сегодняшней игры обязаны и Мальцеву! Не он ли помог так убедительно сыграть на последнем чемпионате мира в ФРГ совсем молодым М. Васильеву и В. Быкову? Сам Мальцев был не так заметен, как прежде. Но именно этот непредсказуемый форвард с грозной репутацией постоянно приковывал к себе внимание соперников, развязывая руки партнерам, и выверенными, хитрымными пасами посылал их в одну атаку за другой.

Давно замечено: таланты легкоранимы, ибо в порыве вдохновения они не берегут себя. Не счастье, сколько выпало на долю Александра всевозможных травм. Случались и такие, после которых на лед уже не возвращаются. Но Мальцев возвращался! Когда бывало особенно горько и обидно, вспоминал любимую есенинскую строку: «Ничего! Я споткнулся о камень, это к завтраму все заживет». Очередная беда подстерегла Александра в начале прошлогодней январской серии заокеанских матчей с ведущими клубами НХЛ... Пришлось возвращаться в Москву, лечиться, снова упорно тренироваться, чтобы поспеть на мировой чемпионат. А там — опять удар по руке, игра, стиснув зубы... И — новая блестящая победа сборной СССР.

Летом рука у Мальцева еще болела. Врачи настаивали на очередной операции. Но Александр предпочел скальпелю и лекарствам упорные тренировки. Это испытанное средство выручало его уже не раз. Будем надеяться, что выручит и теперь.

Сергей ШАЧИН

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА и Юрия СОКОЛОВА

